Суббота, 28 декабря 1902 года. ГОДЪ ИЗДАНІЯ ЧЕТВЕРТЫЙ Суббота, 28 декабря 1902 года.

Подписная цѣна.

Съ доставкою и пересылкою:
На годъ . . . . . 6 рублей
„ 8 мѣсяцевъ . . . . . 4 р. 50 к.
„ 6 мѣсяцевъ . . . . . 3 р. 50 к.
„ 3 мѣсяца . . . . . 2 р. — к.
„ 1 мѣсяцъ . . . . . — 75 к.
За границу на годъ . . . . . 14 р. — к.

Подписываться можно на всѣ сроки, но не иначе, какъ съ 1 числа каждаго мѣсяца. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1-му марта 1 р., къ 1-му мая 1 р., къ 1-му іюля 1 р. и 1-го сентября—1 руб.

За перемѣну адреса уплачивается 30 коп. и прилагается печатный адресъ

Отдѣльные номера газеты по пять копѣекъ.

№. 351.

УРАЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ

газета общественная, литературная, торгово-промышленная

выходитъ ежедневно, не исключая дней послѣпраздничныхъ,

въ Екатеринбургѣ.

Объявленія

для помѣщенія въ газетѣ изъ губерній—Пермской, Вятской Уфимской, Оренбургской и изъ Сибири принимаются плату на первой страницѣ по 20 коп. за строку петита или мѣсто, ею занимаемое и на послѣдней страницѣ по 10 коп. за строку. Для лицъ, ищущихъ занятій, съ установленной за объявленія платы, дѣлается большая скидка.

Объявленія изъ остальныхъ губерній Европейской Россіи принимаются по 30 коп. за строку на первой страницѣ и по 15 к.—на послѣдней.

Объявленія отъ лицъ, фирмъ и учрежденій, живущихъ или имѣющихъ свои главныя конторы или правленія во всѣхъ мѣстахъ Россійской Имперіи или за границей, за исключеніемъ Пермской, Вятской, Оренбургской, Уфимской и Самарской губерній и всей Сибири принимаются исключительно въ центральной конторѣ объявленій Торговаго Дома Л. и Э. МЕЦЛЬ и К°, Москва, Маросейская домъ Сытова и въ ея отдѣленіи въ С.-Петербургѣ по Большой Морской № 11, по цѣнѣ: впереди текста 30 коп. строк. петита, въ концѣ текста 15 коп.

За разсылку отдѣльныхъ объявленій при газетѣ, вѣсомъ не болѣе 1 лота, взимается по 10 р. за каждую тысячу экземпляровъ.

Отъ редакціи.

Доставляемыя въ редакцію статьи и всякаго рода замѣтки должны быть съ подписью автора, точнымъ адресомъ его и обозначеніемъ условій. Всѣ рукописи могутъ быть исправляемы по усмотрѣнію редакціи. Мелкія статьи и замѣтки, не принятыя редакціей, уничтожаются.

Телефонъ редакціи и типографіи № 240.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1903 годъ

НА ОБЩЕСТВЕННУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННУЮ ГАЗЕТУ

„УРАЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ"

«УРАЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ» САМАЯ ДОСТУПНАЯ ПО ЦѢНѢ
ИЗЪ МѢСТНЫХЪ ГАЗЕТЪ.
» » ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО
НЕ ИСКЛЮЧАЯ ДНЕЙ ПОСЛѢПРАЗДНИЧНЫХЪ.
» » ИЗДАЕТСЯ ПО ПРОГРАММѢ И ВЪ ФОРМАТѢ
БОЛЬШИХЪ СТОЛИЧНЫХЪ ГАЗЕТЪ.

Главною задачею газеты, по прежнему, будетъ—всестороннее обсужденіе вопросовъ и нуждъ мѣстнаго края.

Программа „Уральской Жизни" хорошо извѣстна нашимъ многочисленнымъ читателямъ.

Въ своей публицистической дѣятельности мы стояли и будемъ стоять за все то, что содѣйствуетъ прогрессу родины, за правду, истину, справедливость, безпристрастно освѣщая всѣ событія и явленія мѣстной жизни и текущей дѣйствительности.

Ставя своей задачей—давать объективные отвѣты на волнующіе читателей вопросы жизни во всемъ разнообразіи ея проявленія,—„Уральская Жизнь", исключаетъ возможность пользованія пріемами, ничего общаго не имѣющими съ задачами литературы.

Погоня за сенсаціей, ради дешеваго успѣха, бульварное отношеніе къ печатному слову были всегда чужды „Уральской Жизни".

Истекшее трехлѣтіе убѣдило насъ въ томъ, что „Уральская Жизнь" стоитъ на вѣрномъ пути, пріобрѣтая все больше и большій контингентъ читателей среди всѣхъ классовъ населенія.

По этому пути мы пойдетъ и въ 1903 году.

Въ 1903 г. въ „Уральской Жизни" будутъ принимать участіе слѣдующія лица:

Аграрій (псевд.) Я. А. Андреевъ, П. А. Астафьевъ, К. С. Баранцевичъ (редакторъ „Живописнаго Обозрѣнія"), П. Я. Блиновскій, Г. П. Богословскій, Гр. Бѣлорѣцкій, В. А. Весновскій, В. Викторовъ (псевд.) П. Н. Галинъ (Дядя Листаръ), В. А. Гассельблатъ, Е. С. Голова, П. И. Добротворскій, М. Г. Дмитріева (Сулима), Ан. Доброхотовъ, Л. Д. Зайдель, К. Т. Зацѣпинъ, П. Заякинъ, Г. М. Зеленый (псевд.), Зритель, (псевд.) Н. В. Казанцевъ (Старый Оптимистъ), Н. Е. Китаевъ, (горный инженеръ) И. Ф. Колотовкинъ, А. В. Комаровъ, И. И. Котляревскій, А. П. Лаврухинъ, В. В. Леоновичъ, М. М. Любовъ, Мадина Диксъ (псевд.), Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Маркъ Квитка (псевд.), Д. П. Никольскій (проф. Горнаго Института), Н. А. Пановъ, А. Перелетный (псевд.), В. А. Плотниковъ, П. А. Рогозинскій, Коко-Ринскій (псевд.). Н. А. Русиновъ (врачъ), А. Г. Савченко, Г. А. Свѣчинъ, А. И. Смородинцевъ (врачъ), А. М. Спасскій (врачъ), Старожилъ (псевд.), А. Г. Туркинъ, Д. А. Улицевъ, Н. П. Штейнфельдъ (редакторъ „Русскаго Горнозаводскаго Вѣстника") и мн. др.

Особенное вниманіе, какъ и прежде, редакція обратитъ на отдѣлъ корреспонденцій.

Собственныхъ корреспондентовъ „Уральская Жизнь" имѣетъ во всѣхъ городахъ, заводахъ и болѣе значительныхъ селеніяхъ губерній: Пермской, Вятской, Уфимской, Оренбургской, Самарской и Тобольской.

Въ 1902 году было помѣщено болѣе 6000 сообщеній изъ разныхъ мѣстъ Уральскаго края.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ ЕКАТЕРИНБУРГѢ: 1) въ конторѣ „Уральской Жизни" (Колобовская ул., д. № 21); въ ЧЕЛЯБИНСКѢ: 1) въ отдѣленіи конторы „Урал. Ж."; въ ТЮМЕНИ: въ отд. конторы „Урал. Жизни"; въ ПЕРМИ: 1) въ отдѣленіи конторы „Уральской Жизни" и 2) въ книжн. маг. О. Петровской; въ Н.-ТАГИЛЬСКОМЪ ЗАВОДѢ: 1) у помощ. присяжнаго повѣреннаго В. А. Плотникова 2) въ конторѣ погарёуса И. Г. Гуляева; 3) у агента общества „Надежда" В. И. Кларкъ;

въ КУРГАНѢ: въ отдѣленіи конторы „Уральская Жизнь", въ книжномъ магазинѣ общества попеченія объ учащихся.

въ УФѢ: у В. Н. Передникина магазинъ Коншина и у завѣд. книжн. скл. уфимск. губернск. земства;

въ ЗЛАТОУСТѢ: у К. Г. Сабурова;

въ ТРОИЦКѢ: въ отдѣленіи газеты Ф. И. Загорскаго.

въ БѢЛОРѢЦКОМЪ ЗАВОДѢ: у Д. А. Киселева;

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА. Съ доставкою и пересылкою: На годъ 6 р., на 8 мѣсяцевъ 4 р. 50 к., на 6 мѣсяцевъ 3 р. 50 к., на 3 мѣсяца 2 р., на 1 мѣсяцъ 75 к., за-границу 14 руб.

Подписываться можно на всѣ сроки, но не иначе, какъ съ 1 числа каждаго мѣсяца.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., къ 1 марта 1 р., съ 1 мая 1 р., къ 1 іюля 1 р. и 1 сентября—1 р.

Редакторъ-издатель П. И. ПѢВИНЪ.

Въ магазинѣ Е. Н. ЕРШОВА и К°
Главный просп., противъ Реальн. училища,
ВЪ ГРОМАДНОМЪ ВЫБОРѢ ИМѢЮТСЯ:
визитныя, поздравительныя, свадебныя карточки, письма и роскошная бумага.
КАЛЕНДАРИ, ПАПКИ и проч. на 1903 г.

Врачъ-спеціалистъ
А. Ф. ЗАКОЖУРНИКОВЪ
принимаетъ больныхъ **сифилисомъ, венерическими и кожными** болѣзнями, также и другими заболѣваніями мочеполовыхъ органовъ.
Съ 10 до 2 ч. дня и съ 6 до 8 вечера. Клубная улица домъ П. Н. Галина № 21.

ДОКТОРЪ
Б. М. БРОДОВСКІЙ
принимаетъ СПЕЦІАЛЬНО по болѣзнямъ
УХА, НОСА и ГОРЛА
отъ 9 до 1 ч. дня и отъ 5 до 7 ч. веч.
Покровскій пр., д. Гофмейстера, № 35. надъ музыкальн. магазиномъ Симоновичъ.

ВРАЧЪ
М. І. Болухеръ.
Успенская, домъ № 25, Лаптева.
Принимаетъ по болѣзнямъ кожи, мочевымъ, венерическимъ и сифилису.
Отъ 8 до 1 ч. и отъ 5 ч. до 8 ч. Женщинъ отъ 2 ч. до 3 ч.

Д-ръ Буйницкій
ПРІЕМЪ БОЛЬНЫХЪ
по внутреннимъ и нервнымъ болѣзнямъ
Принимаетъ отъ 5 до 8 ч. вечера.
Улица Гоголя (Разгуляевская) № 18

ГОТОВОЕ ПЛАТЬЕ
мужское и дамское.

ПОЛУЧЕНЪ большой выборъ Готоваго платья для зимняго сезона.

ПРІЕМЪ ЗАКАЗОВЪ —) изъ (— Русскихъ, Французскихъ и Англійскихъ МАТЕРІЙ.

ГОРЖЕТКИ И МУФТЫ.

МѢХОВОЕ ОТДѢЛЕНІЕ
РОТОНДЫ, САКИ, КЕПЫ, НАКИДКИ ЖАКЕТЫ.

ШЕЛКОВЫЯ—— ——ЮБКИ.

МѢХОВЫЯ ПАЛЬТО, ЕНОТКИ.

Костюмы СЮРТУКИ, ВИЗИТКИ, СМОКИНГИ брюки зимніе.

Купоны, ажурныя платья.

МОСКОВСКІЙ МАГАЗИНЪ готоваго платья
ФОМЕНКО
противъ Каѳедральнаго собора, д. В. И. Дмитріева.

Р. ШТРОЛЬ

получилъ громадную партію

ГАЛСТУКОВЪ

НОВѢЙШИХЪ ФАСОНОВЪ.

ИМѢЮТСЯ полотняные пристяжные воротнички, манжеты и груди. Перчатки, корсеты, запонки и подтяжки.

Залъ Маклецкаго.

въ субботу 28 декабря въ 8 час. вечера состоятся
большой концертъ всемірно-извѣстнаго пѣвца
Д. А. Славянскаго
съ участіемъ М. Д. СЛАВЯНСКОЙ и большой пѣвческой капеллы въ полномъ составѣ.
Билеты продаются ежедневно въ залѣ Маклецкаго.
Приглашается дядька къ мальчикамъ.

Городской театръ.
Антреприза В. П. Алмазовой
Въ субботу, 28 декабря,
два спектакля

Утренній
По уменьшеннымъ цѣнамъ представлено будетъ:
Безъ вины виноватые
ком. въ 4 д., соч. А. Н. Островскаго.
Начало въ 12½ час. дня.

Вечерній
представлено будетъ:
Цѣна жизни
пьеса въ 4 д., соч. Немировича-Данченко.
Цѣна мѣстамъ драматическая.
Начало въ 8 час. вечера.

Верхъ-Исетскій театръ.

Въ субботу, 28 декабря, во второй и послѣдній разъ
МѢЩАНЕ
драматическій эскизъ въ 4 д., соч. Максима Горькаго.
Въ заключеніе.
Не зная броду, не суйся въ воду
комедія въ 1 д., соч. С. Разсохина (Манефельда).
Начало спектакля ровно въ 8 часовъ вечера.

Въ воскресенье, 29 декабря,
Петербургскія трущобы
драмат. сцены изъ романа Всеволода Крестовскаго въ 6 д. и 9 карт. В. Евдокимова.
по окончаніи спектакля
танцовальный вечеръ
Начало спектакля въ 7 час. веч.

АНОНСЪ: въ субботу, 4 января 1903 года, данъ будетъ дневной ДѢТСКІЙ спектакль и ЕЛКА для дѣтей съ подарками.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЕЛОЧНЫХЪ УКРАШЕНІЙ и коллекцій
отъ 1 р. 50 к. до 15 руб. БОМБОНЬЕРКИ и дѣтскія игрушки
У Бр. АГАФУРОВЫХЪ
въ Екатеринбургѣ, Перми и Тюмени.
Иногороднимъ высылаются наложеннымъ платежомъ немедленно.
„Прейсъ-куранты по требованію безплатно."

Черноусовская
ЛЬНО-ПРЯДИЛЬНО-ТКАЦКАЯ ФАБРИКА
Потомственнаго Почетнаго Гражданина
ВАСИЛІЯ САВВИЧА ЖИРЯКОВА,
сгорѣвшая въ 1900 году, теперь
ВОЗОБНОВЛЕНА и ПУЩЕНА ВЪ ДѢЙСТВІЕ.
Вырабатываются парусиновые мѣшки, льняныя нитки и брезенты.
Адресъ: *г. Екатеринбургъ В. С. Жирякову.*

ОБЪЯВЛЕНІЕ
отъ Средне-Азіатскаго магазина
М. У. Мусаханова
Главный пр., д. Иванова,
окончательная дешевая распродажа
ВСЕВОЗМОЖНЫХЪ ОСТАТКОВЪ шелковыхъ товаровъ и проч., и проч.
по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ.
Остается только на 4 дня, а именно **28, 29, 30 и 31 декабря с. г.**

Магазинъ часовъ С. А. Серебреникова.
Богоявленская ул., д. Бр. Дмитріевыхъ.
ГРАММОФОНЫ.
Большой выборъ ПЛАСТИНОКЪ
Открытыя письма.

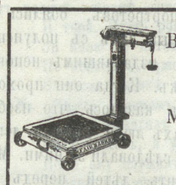
ВРАЧЪ
Я. Ю. Либерманъ
ВОЗОБНОВИЛЪ ПРІЕМЪ БОЛЬНЫХЪ.
Лѣченіе свѣтомъ.
Златоустовская ул., д. Злоказова противъ аптеки Канненбергъ.

ВРАЧЪ
М. П. СОКОЛОВЪ.
ПРІЕМЪ БОЛЬНЫХЪ
по хирургическимъ и мочеполовымъ болѣзнямъ
возобновленъ
отъ 8 до 9½ ч. утра и отъ 2 до 4 ч. дня.
Тимофеевская Набереж. д., № 10.

ВРАЧЪ
К. Ф. Фетисовъ
Внутреннія и дѣтскія болѣзни.
Пріемъ больныхъ съ 8 до 9½ ч. утра и съ 5 до 7 ч. веч.
Верхне-Вознесенская ул., д. № 21.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ
А. К. Хрущовъ.
Лѣченіе, пломбированіе и [illegible]авленіе искусственныхъ зубовъ.
ПРІЕМЪ отъ 9 час. утра и до 4 ч. попол. по Покровскому проспекту, въ д. Батмановой противъ Американской гостинницы.

ДОКТОРЪ
Б. А. Ландсбергъ
принимаетъ СПЕЦІАЛЬНО по болѣзнямъ
ГЛАЗА, УХА, ГОРЛА И НОСА
отъ 9 до 1 ч. и отъ 5 до 7 ч.
Театральн. ул., № 7, рядъ съ женск. гимназ.



ВЪ ВИДУ ОТКРЫТІЯ
палатки
МѢРЪ и ВѢСОВЪ
ТОВАРИЩЕСТВО
Ж. Блокъ
въ Екатеринбургѣ
ПРЕДЛАГАЕТЪ
свою мастерскую для вывѣрки и и приготовленія къ клейменію всемірно-образцовыхъ вѣсовъ
ФЕРБЭНКСЪ.
Цѣна за клейменіе по казенной таксѣ.
Остерегайтесь порчи вѣсовъ посторонними мастерами.

Открыта большая
КОФЕЙНАЯ
при отдѣленіи кондитерской
Ф. Е. Войтеховой.
Имѣются ГАЗЕТЫ и ЖУРНАЛЫ.
Д. Клушиной, Главный пр. и Колобовск. ул.

ДОКТОРЪ
И. А. СЯНО
Акушерство и женскія болѣзни
Пріемъ больныхъ отъ 10—1 ч. дня и отъ 5—7 ч. веч
Близъ Сплавного моста, Крестовоздвиженская уголъ 2-й Береговой ул., д. Крутикова № 3—31.

ОДѢЯЛА
отласныя
ВЪ МАГАЗИНѢ
Генриха Перетцъ.
Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ безплатно.

ВОДОЛЕЧЕБНИЦА
В. А. Доброхотова
со свѣтолечебнымъ и электро-массажнымъ (вибраторный массажъ) отдѣлами.
Для леченія имѣются всевозможныя приспособленія обставленныя согласно послѣднему слову науки.
Больные принимаются съ разнообразными хроническими заболѣваніями.

Учитель музыки
К. А. Муликовскій,
бывшій преподаватель музык. училища Астраханск. отд. Императорскаго русскаго музыкальнаго Об-ва,
даетъ уроки на рояли, а также ТЕОРІИ МУЗЫКИ.
Адресъ: д. Волжско Камскаго банка, кв. Н. А. Зеленскаго. Желающіе могутъ обращаться и въ музыкальный магазинъ Е. И. Иванова.

Американскіе
керосиновые **двигатели** отъ 2 хъ и болѣе лошадиныхъ силъ **продаются** улица Гоголя, № 41. Квар. М. Н. Ганау.

Техникъ
по горно-заводской спеціальности, выпуска 1900 г. ищетъ мѣста. Адресъ для писемъ: Главный пр. д. Чистякова, кв. Матусевичъ, М. Д.

Массажистъ
фельдшеръ больницы М. И. Аникинъ. Коробковская ул., д. № 44.

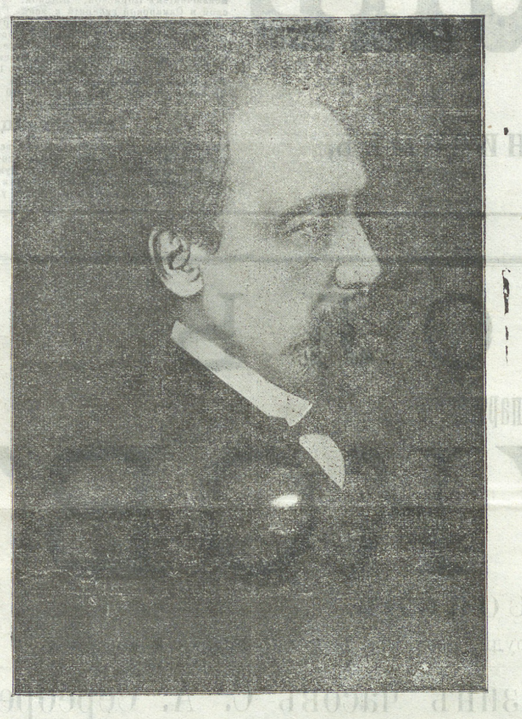
Отдается магазинъ
Главный проспектъ, д. № 49.

Правленіе О-ва Уральскихъ Горныхъ Техниковъ
приглашаетъ гг. дѣйствительныхъ членовъ на II Общее Собраніе, имѣющее быть 31 декабря въ 11 ч. дня въ помѣщеніи Уральскаго О. Л. Естествознанія.

ЗАПОНКИ
грудныя и манжетныя
ВЪ МАГАЗИНѢ
Л. И. СТЕРНЪ.
Покровскій пр., д. Ермолаева.

Н. А. Некрасовъ.

27 декабря 1877—1902 г. г.



Спите разумные, добрые, вечные,
Спите! Спасибо вам скорби сердечные
Русский народъ!..
Н. Некрасовъ

Некрасовъ,

его время, жизнь и дѣятельность.

Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія

Н. А. Панова. *).

I.

Дѣтство и отрочество.

Некрасовы принадлежатъ къ одному изъ старинныхъ дворянскихъ родовъ. Нѣкогда богатые помѣщики, жившіе шумно, весело, разгульно, они вдругъ обѣднѣли; родовыя некрасовскія помѣстья разорились, при чемъ слава ихъ владѣльцевъ по Ярославской г. замолкла, и позднѣйшему изъ Некрасовыхъ крѣпостниковъ пришлось, не безъ горести, взирать на остатки прежняго величія. Воспитанный людьми, прожившими весь вѣкъ за мужицкой спиною, онъ воспринялъ отъ своихъ родителей, какъ-бы въ плоть и кровь съ презрѣніемъ къ подневольному холопу, барскую спесь, любовь къ веселому, праздному житью; но небольшое число крѣпостныхъ людей не могло, изъ года-въ годъ, обезпечивать своему барину прочность безбѣдственнаго существованія, а потому „бѣдный баринъ“ долженъ былъ волею-неволею поступить на службу въ армію и переносить разныя невзгоды походной жизни съ перекочевками изъ Кіева въ Одессу, изъ Одессы въ Варшаву. Молодой, красивый, видный офицеръ могъ-бы, при счастливомъ случаѣ, поправить свои разстроенныя дѣла, напримѣръ, выгодно жениться, но подобныхъ ему господъ, вчера купавшихся въ шампанскомъ, сегодня не имѣющихъ денегъ на ваксу, было и въ то приснопамятное время, къ сожалѣнію, много. Для того, чтобы выдѣлиться изъ большинства себѣ подобныхъ, молодому, красивому, видному офицеру надлежало обладать если неисключительной знатностью рода, то какими-нибудь талантами, чего въ наличности у офицера, Алексѣя Сергѣевича Некрасова, не имѣлось. Онъ былъ только молодъ и красивъ, можетъ быть, красивѣе другихъ офицеровъ-товарищей. Въ одномъ изъ уголковъ Херсонской губерніи, куда его закинула полковая служба и гдѣ однажды онъ получилъ доступъ въ семью богатаго польскаго магната Андрея Закревскаго, приглянулся его старшей дочери, Александрѣ Андреевнѣ, и женился на ней по любви, но—противъ воли ея родителей, не получивъ, разумѣется, никакого приданаго.

Алексѣй Сергѣевичъ Некрасовъ не шелъ высоко по службѣ, состоялъ въ адъютантскихъ должностяхъ, сопряженныхъ съ постоянными разъѣздами, вѣчно нуждался въ деньгахъ, чѣмъ подвергалъ свою молодую жену всяческимъ лишеніямъ. Кромѣ того, она часто находилась подъ гнетомъ его грубоватаго, раздражительнаго нрава, что увеличивало ея страданія. Послѣ продолжительныхъ скитаній, мытарствъ, армейская служба донельзя опротивѣла Некрасову, и онъ въ чинѣ капитана бросилъ эту службу, уѣхалъ въ свое родовое имѣніе, сельцо Грешнево, Ярославской губ., съ давно мечтавшей объ отдыхѣ молодой женою, съ первенцомъ Николаемъ и другими дѣтьми. Въ походномъ его календарѣ за 1821 годъ, на поляхъ одной странички, значилось; „Сего 22 ноября, въ еврейскомъ мѣстечкѣ подольской губерніи, винницкаго уѣзда, во время похода, родился у насъ первенецъ-сынъ, коему будетъ во святомъ крещеніи дано имя Николай“...

Явились Некрасовъ въ помѣщичье, не очень уютное, все-таки, сносное гнѣздо, которое крѣпко держалось на устояхъ крѣпостного труда. Старый господскій домъ, одной стороною съ окнами въ тѣнистый садъ пахнулъ на нихъ многолѣтней затхлостью, принялъ ихъ подъ свои потемнѣвшіе своды. Запыленные семейные портреты хмуро взглянули на своего браваго потомка, на его полубольную, печальную подругу, на ихъ дѣтей, на первенца маленькаго Колю и не разлучную съ нимъ сестру, которая была, кажется, только на годъ моложе брата. Дѣти боялись этихъ портретовъ, боялись заглядывать въ сумрачный залъ съ полуиспорченнымъ паркетомъ, издававшимъ непонятный для нихъ трескъ. Когда они проходили въ дѣтскую, имъ казалось, что изображенные на портретахъ люди, шленая легкой обувью по паркету, слѣдовали за ними. Мать являлась благословить дѣтей передъ ихъ сномъ, но дѣти засыпали не скоро, ибо изъ другихъ покоевъ неслись въ дѣтскую звуки музыки съ топаньемъ, свистомъ, чиканьемъ: вѣроятно, какой-нибудь подгулявшій сосѣдъ Некрасовыхъ отплясывалъ трепака. Въ этомъ домѣ, далеко, за полночь сотрясали воздухъ разгульныя пѣсни, грубый хохотъ, заставлявшій дѣтей вздрагивать отъ испуга, раздавались нескончаемые споры, брань, стукъ; что-то падало, кто-то вылъ, рычалъ: надо полагать, разгѣванные картежники мяли, тискали довѣрчиво принятаго ими въ компанію, мало извѣстнаго имъ субъекта, который—подъ конецъ игры—оказался шулеромъ. Иногда слышался громовой голосъ; это—буйствовалъ во хмѣлю самъ Алексѣй Сергѣевичъ, топая ногами и нанося увѣсистой пятернею оплеухи лакею за то, что усталый, измученный человѣкъ оплошно задремалъ и не явился на первый зовъ своего повелителя. Подъ градомъ оплеухъ лакей виновато лепеталъ: „батюшка-баринъ, простите!“ и подѣтски всхлипывалъ; къ его лепету присоединялось робкое женское заступничество, похожее на мольбу. Но было достаточно одного грознаго окрика, чтобы женщина, а именно Александра Андреевна Некрасова, замолкла. Спустя нѣсколько минутъ дѣти могли видѣть свою маму въ просвѣтѣ полуотворенной двери изъ дѣтской въ ея спальню, гдѣ она, окруженная лазурнымъ полумракомъ, стояла на колѣняхъ предъ образомъ Спасителя и горячо молилась, подавляя рыданія...

Никто не зналъ, что маленькій Коля, дрожавшій отъ страха по ночамъ, будетъ потомъ замѣчательнымъ поэтомъ, который не добрымъ словомъ помянетъ свое печальное, безотрадное дѣтство, напишетъ слѣдующія, проникнутыя горечью, строфы:

Въ невѣдомой глуши, въ деревнѣ полудикой
Я росъ средь буйныхъ дикарей,
И мнѣ дала судьба, по милости великой,
Въ руководители псарей.
Вокругъ меня кипѣлъ развратъ волною грязной,
Боролись страсти нищеты,
И на душу мою той жизни безобразной
Ложились грубыя черты.
И прежде, чѣмъ понять разсудкомъ неразгнитымъ,
Ребенокъ, могъ я что-нибудь,
Проникъ уже порокъ дыханьемъ ядовитымъ
Въ мою младенческую грудь...

Мать будущаго поэта, умная, образованная женщина, неохотно поддерживала знакомство съ женами сосѣдей-помѣщиковъ, умственно неразвитыми, не читавшими ничего, кромѣ слезливо-слащавыхъ произведеній иностранныхъ и отечественныхъ писателей. Мы знаемъ ихъ по высоко-художественному описанію Пушкина въ „*Евгеніѣ Онѣгинѣ*“. До замужества и въ первые годы его онѣ увлекались до самозабвенія романами какого-нибудь Ричардсона, бредили такими героями, какъ Грандинсонъ или Ловласъ, писывали собственною кровью чувствительныя, но безграмотныя—по русски—строки въ альбомы своихъ подругъ, говорили нараспѣвъ, произнося русскій *энъ*, какъ *энъ* французскій, въ носъ, причемъ, для сохраненія тонкости таліи, носили очень узкій корсетъ. Нѣкогда мечтательныя, милыя дѣвы, онѣ въ замужствѣ, съ годами, мало-по-малу, грубѣли, пошлѣли, заботясь только о томъ, какъ-бы единовластно управлять мужьями, держать въ безпрекословномъ повиновеніи дворню, учить благонравію крѣпостныхъ служанокъ хлестаніемъ по щекамъ, наконецъ вершить хозяйственныя дѣла и прославляться на дальнія округи восхитительнымъ соленіемъ грибовъ. Похоронивъ въ сердцѣ своемъ дѣвичьи грезы и первую, разумѣется, несчастную любовь, предавъ забвенью Ловласа и Грандинсона, онѣ надѣвали на себя ватный шлафрокъ и чепецъ, развлекались дома игрою въ пасьянсъ или, модно разодѣвшись, ѣздили въ гости, жаловались другъ другу на своенравныхъ супруговъ, на безтолковыхъ слугъ, обмѣнивались скудными новостями, сплетничали, злословили. Для дочери польскаго магната, получившей блестящее воспитаніе и образованіе, знакомство съ такими дамами не было пріятнымъ и поэтому она, по возможности, держалась, отъ нихъ въ сторонѣ. Но иногда супругъ—особенно зимою, когда ему прискучивала охота на медвѣдей—неотступно требовалъ, чтобы Александра Андреевна ѣхала съ нимъ въ гости къ сосѣдямъ. Некрасовы брали съ собою маленькаго Колю, котораго закутывали. Ихъ сопровождалъ цѣлый штатъ домашней прислуги, лѣпившейся подвое на козлахъ, подлѣ кучера, и подвое на задкѣ господскаго возка. Ребенокъ любилъ такія зимнія поѣздки, если приходилось ѣхать не въ закрытомъ возкѣ, а въ открытыхъ саняхъ. Онъ переживалъ дорожныя впечатлѣнія; многое располагало его къ мечтательности. При возвращеніи домой, поздней ночью, Коля прислушивался къ визгу полозьевъ, къ топоту коней, къ звону колокольчика; онъ съ удивленіемъ глядѣлъ на безчисленныя звѣзды, сверкавшія въ темносинихъ безднахъ, обращался съ загадочными, не дѣтскими вопросами о звѣздномъ небѣ то къ отцу, то къ матери, болѣе къ послѣдней, радовался—когда въѣзжали въ серебряный, одѣтый инеемъ, огромный дремучій лѣсъ, въ которомъ царило таинственное молчаніе или тихо шумѣли вершины деревьевъ, чуть тронутыя мягкимъ свѣтомъ луны, и воображенью ребенка мерещились сказочныя дива: воспѣтый имъ впослѣдствіи воевода-морозъ, махая ледяной булавою, обходилъ дозоромъ свои владѣнія, причудливыя тѣни, фантастическіе образы плыли на встрѣчу подъ музыку веселаго колокольчика. Утомленный поѣздкою, ребенокъ засыпалъ, и по пріѣздѣ домой няня брала его спящаго изъ саней и на рукахъ бережно несла въ дѣтскую, гдѣ потомъ сулилось ему видѣнное, слышанное въ гостяхъ, напримѣръ: бахвальство богатаго помѣщика самодура, который, важно развалясь на диванѣ, закуривалъ трубку зажженною сторублевкою, не то—издѣвался надъ жалкимъ приживальцемъ, коему самодуръ мазалъ горчицею, при общемъ хохотѣ гостей, добровольно подставляемое лицо, или заставлялъ приживальца выпить изъ большого стакана, заключавшаго—въ смѣси водки, перцовки, полыновки, наливки, шампанскаго, уксуса, пива, прованскаго масла, соуса—цѣлый десятокъ швейныхъ иголъ; причемъ, если приживалецъ благополучно выпивалъ все до дна, безъ рвоты, безъ гримасъ, и не проглатывалъ ни одной иголки, самодуръ бросалъ ему, въ вознагражденіе, червонецъ. Могли присниться впечатлительному ребенку и такія барскія причуды. Домашній оркестръ играетъ веселую польку, гости танцуютъ, а пьяный баринъ стоитъ подолъ и, стараясь выдержать безукоризненно темпъ музыки, хлещетъ по сусаламъ или дворовую дѣвку, или какого-нибудь вызваннаго изъ „людской“ парня и не за провинность, а такъ, что называется, здорово живешь, ради „мордохлестной музыки“, какъ выражались тогдашніе самодуры. Снесетъ терпѣливо позоръ, не расплачется дѣвка, выстоитъ, ни разу не пошатнувшись, парень, получитъ за безчестье рубль; не снесетъ, не выстоитъ—начинается вновь та же „музыка“, финалъ которой иногда имѣлъ мѣсто на конюшнѣ, гдѣ драли розгами. Не веселѣе видѣннаго, слышаннаго въ гостяхъ видѣлъ и слышалъ ребенокъ у себя, дома. Будущій поэтъ съ дѣтства затаилъ въ своей душѣ вражду къ крѣпостничеству. Много лѣтъ спустя вернувшись на родину, онъ съ ужасомъ вспоминаетъ прошлое въ стихотвореніи „*Родина*“.

И вотъ они опять знакомыя мѣста,
Гдѣ жизнь отцовъ, моихъ, безплодна и пуста,
Текла среди пировъ, безсмысленнаго чванства,
Разврата грязнаго и мелкаго тиранства;
Гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ
Завидовалъ житью послѣднихъ барскихъ псовъ,
Гдѣ было суждено мнѣ Божій свѣтъ увидѣть,
Гдѣ научился я терпѣть и ненавидѣть
. . . . . .
Вотъ темный, темный садъ... Чей ликъ въ аллеѣ дальней
Мелькаетъ межъ вѣтвей, болѣзненно печальный?
Я знаю, отчего ты плачешь, мать моя!
Кто жизнь твою сгубилъ... о! знаю, знаю я!
Навѣки отдана угрюмому невѣждѣ,
Не предавалась ты несбыточной надеждѣ—
Тебя пугала мысль взсгать противъ судьбы,
Ты жребій свой несла въ молчаніи рабы...
Но знаю: не была душа твоя безстрастна;
О, она была горда, упорна и прекрасна,
И все, что мнѣ отъ тебѣ достало силъ,
Предсмертный шопотъ твой губительно прогнулъ,
И ты, дѣлившая съ страдалицей безгласной
И горе, и позоръ судьбы ея ужасной,—
Изъ дома крѣпостныхъ любовницъ и псарей
Гонимая срамомъ, ты жребій свой вручила
Тому, котораго не знала, не любила...
Но, матери своей печальную судьбу
На свѣтѣ повторивъ, лежала ты въ гробу
Съ такой холодною и строгою улыбкой,
Что дрогнулъ самъ палачъ, заплакавшій ошибкой...

Первая часть этого стихотворенія, написаннаго (въ 1846 г.) двадцатипятилѣтнимъ поэтомъ, раскрываетъ передъ нами много печальнаго, тяжелаго, даже ужаснаго. Сестра, подруга дѣтства поэта, оказывается, была несчастна такъ-же, какъ и сама страдалица-мать. Въ дѣтствѣ, отрочествѣ и, подъ-конецъ, въ пору дѣвичества она видѣла вокругъ себя постоянно грубаго, пьянаго, буйнаго отца, окруженнаго крѣпостными любовницами, и отъ стыда за него, оскорбленная въ лучшихъ своихъ чувствахъ, вышла замужъ за перваго встрѣчнаго, недолго прожила съ нимъ и умерла отъ чахотки. На минуту ужаснувшійся, ошибкой заплакавшій надъ гробомъ безвременно умершей дочери, отецъ и потомъ не измѣнилъ образа жизни. Ему говорили: „у васъ, Алексѣй Сергѣевичъ, умерла дочь!“ Онъ притворно вздыхалъ и высказывалъ утѣшеніе: „не стало старшей, осталась младшая“. Эта младшая—вторая, впослѣдствіи любимая, сестра поэта—Анна Алексѣевна. Она пережила своего брата, но рѣчь о ней впереди. Послѣ матери и первой сестры поэтъ любилъ, подобно Пушкину, свою добрую няню. Глядя на сѣрый, старый домъ, онъ вспоминаетъ дѣтство.

. . . . . здѣсь что-то всѣхъ давило,
Здѣсь въ маломъ и въ большомъ тоскливо сердце ныло.
Я къ нянѣ убѣгалъ... Ахъ, няня, сколько разъ
Я слезы лилъ о ней въ тяжелый сердцу часъ;
При имени ея впадая въ умиленье,
Давно ли чувствовалъ я къ ней благоговѣнье?

Но Пушкинъ сохранилъ о своей нянѣ до конца жизни трогательную благодарность, увѣковѣчилъ ея имя, потому-что его Ирина Родіоновна была, повидимому, умнѣе некрасовской няни. Она, какъ „наперсница волшебной старины, другъ вымысловъ игривыхъ и печальныхъ“, имѣла на него благотворное вліяніе, напѣвая пѣсни, сказывая ему сказки. Но такова была няня другого поэта, хотя и добрая, по добрая на иную стать, а потому, при воспоминаніи о ней, поэтъ изъ нѣжнаго тона вдругъ переходитъ въ суровый:

Ея безсмысленной и вредной доброты
На память мнѣ пришли немногія черты,
И грудь моя полна враждой и злостью новой...

Прошлое угнетаетъ поэта, который съ ужасомъ смотритъ на него, очутившись подъ кровомъ стараго отцовскаго дома и въ отчаяніи восклицаетъ:

...все, что жизнь мою опутавъ съ первыхъ лѣтъ,
Проклятьемъ на меня легло неотразимымъ—
Всему начало здѣсь, въ краю моемъ родимомъ!

Мракъ безотраднаго дѣтства заслонилъ много свѣтлаго въ жизни того, кто единственную опору, защиту, единственное утѣшеніе находилъ только въ матери. Она оберегала его отъ растлѣвающаго вліянія отца, научила его молиться Богу, читать и писать, сама читала ему наиболѣе доступныя дѣтскому пониманію книги, а хорошихъ русскихъ книгъ въ двадцатыхъ годахъ минувшаго вѣка, было немного. Семилѣтній ребенокъ заучивалъ наизусть басни Дмитріева, зналъ наизусть державинскую оду „Богъ“ не совсѣмъ осмысленно, ибо самое главное въ ней оставалось для него темнымъ, непонятнымъ. Онъ перечитывалъ баллады Жуковскаго, напримѣръ, такія, какъ „*Громобой*“ и „*Свѣтлана*“, и увлекаясь мелодичностью его стиха. Имя Пушкина было знакомо ему лишь по разговорамъ матери съ однимъ изъ наиболѣе образованныхъ помѣщиковъ-сосѣдей, который изрѣдка заглядывалъ въ сельцо Грешнево, въ некрасовскую усадьбу и, конечно, не ради свиданія съ владѣльцемъ послѣдней. На седьмомъ году Коля Некрасовъ писалъ уже стихи, вродѣ слѣдующихъ:

Любезная маменька, примите
Сей слабый трудъ
И разсмотрите,
Годится ли куда нибудь.

Въ бумагахъ Александры Андреевны Некрасовой, оставшихся послѣ ея смерти, сохранилось, между прочимъ, и это четверостишіе. Если Пушкинъ первыя свои стихотворенія—„плоды мечтаній и гармоническихъ затѣй“—читалъ старушкѣ-нянѣ, если Лермонтовъ свои первые поэтическіе опыты ввѣрялъ отзывчивому эху кавказскихъ горъ, а Кольцовъ дѣлился своими первыми пѣснями съ вольной степью, то Некрасовъ свои раннія думы, плоды робкой дѣтской фантазіи передавалъ матери.

Мы видимъ, какъ безотрадно было его дѣтство, подъ отеческой кровлею, въ старомъ помѣщичьемъ домѣ,

Гдѣ вторитъ звону чашъ и гласу ликованій
Глухой и вѣчный гулъ подавленныхъ страданій,
И только тотъ одинъ, кто всѣхъ собой давилъ,
Свободно и дышалъ, и дѣйствовалъ, и жилъ.

Домъ этотъ стоялъ недалеко отъ почтоваго тракта и владимірской дороги. Звонъ почтоваго колокольчика, покрикиванія чиновнаго сѣдока на возницу, топотъ вихромъ проносившейся тройки, все это—весною и лѣтомъ—чрезъ открытыя окна слышалось въ домѣ, обращенномъ одной стороною въ садъ, другою на большую дорогу, третьей и четвертой на Волгу, откуда протяжнымъ, болѣзненнымъ стономъ долетало до слуха обитателей этого дома бурлацкое: „эй, ухнемъ!“ Изъ однихъ оконъ можно было видѣть стальную гладь красавицы-Волги, свѣтло-синія горы да ярко-зеленые луга, съ другой—пыльную дорогу, по которой, въ сопровожденіи солдатъ, вооруженныхъ штыками, шагали какіе-то, съ обритыми лбами, люди, одѣтые въ сѣрые зипуны съ тузомъ на спинѣ, шагали, тяжело дыша и обливаясь потомъ, а на ногахъ у нихъ звенѣли цѣпи. Услышавъ звонъ цѣпей, Коля подбѣгалъ къ окну и долго-долго смотрѣлъ на медленно уходившихъ колодниковъ. Напрасно обращался онъ къ отцу съ вопросами относительно ихъ участи: отецъ угрюмо посматривалъ на сына, не отрываясь отъ трубки, выпуская клубы табачнаго дыма изо рта, и не охотно отвѣчалъ: „кто они—ты хочешь знать.. Гм.. какіе-нибудь неголяи, вродѣ нашихъ Ванекъ, Гришекъ, Мишекъ, Дашекъ, Машекъ, которыхъ на конюшнѣ поремъ“. Когда отецъ уходилъ изъ комнаты, мать вполголоса разсказывала Колѣ о жизни этихъ людей—кто они, кѣмъ были и кѣмъ стали, за что и почему влачатъ цѣпи, разсказывала съ глубокимъ состраданіемъ къ нимъ и называла ихъ, какъ называетъ колодниковъ и самъ народъ, *несчастными*.

Отрадной противоположностью подобнымъ непригляднымъ, даже мрачнымъ картинамъ чуть-ли не повседневной жизни являлись картины природы. Впечатлительный мальчикъ зналъ уже исторію родного Поволжья. Пѣсни, сказки устами самого народа вѣщали ему о тревожной старинѣ, о жизни голытьбы вольницы, объ ея борьбѣ съ гнетомъ кривды, всяческихъ беззаконій невѣрныхъ слугъ царевыхъ, съ неправотою, жестокостью и безграничнымъ произволомъ всемогущаго боярства. Много похожаго на старину видѣлъ онъ и вокругъ себя, въ родительскомъ домѣ, отъ чего искалъ забвенія на лонѣ природы, лежа надъ рѣкою и съ высокаго берега устремляя взоръ въ свѣтлую, ласковую даль. Тамъ—иныя картины. Съ колокольнымъ звономъ, плывущимъ отъ храмовъ побережныхъ селеній, сливается пѣсня жаворонка, а въ свѣжемъ утреннемъ воздухѣ клубится, позлащенный солнечными лучами, деревенскій дымокъ, слышится человѣческая пѣсня, грустная какъ мольба, какъ жалоба..

Вспомнимъ написанную поэтомъ, когда ему было 39 лѣтъ, поэму „*На Волгѣ*“, полную живыхъ, яркихъ картинъ его дѣтства и сильнаго, потрясающаго лиризма.

О, Волга! Колыбель моя!
Любилъ-ли кто тебя, какъ я?
Однимъ, по утреннимъ зарямъ,
Когда еще все въ мірѣ спитъ
И алый блескъ едва скользитъ
По темно голубымъ волнамъ,
Я убѣгалъ къ родной рѣкѣ...
. . . . . .
. . . . . какъ играющій звѣрокъ
Съ высокой кручи на песокъ
Срачусь, то берегомъ рѣки
Бѣгу, бросая камешки,
И пѣсню громкую пою
Про удаль ранвюю мою...
Тогда я думать былъ-готовъ,
Что не уйду я никогда
Съ песчаныхъ этихъ береговъ.
И не ушелъ-бы никуда,
Когда-бъ о, Волга! надъ тобой
Не раздавался этотъ вой...

Одна изъ волжскихъ картинъ должна остаться на всю жизнь въ памяти поэта. Бурлаки, изгибаясь, медленно ступая по горячему—въ полдень—песку, налегая грудью на лямку, тянули вдоль берега тяжелую расшиву; вотъ тогда-то онъ и услышалъ вой, заставившій его, въ отчаяніи, оплакивать судьбу многострадальнаго народа.

Давно-давно, въ такой-же часъ,
Его услышавъ въ первый разъ,
Я былъ испуганъ, оглушенъ,
Я знать хотѣлъ, что значитъ онъ—
И долго берегомъ рѣки
Бѣжалъ. Устали бурлаки,
Котелъ съ расшивы принесли,
Усѣлись, развели костеръ
И межъ собою повели
Неторопливый разговоръ.
—Когда-то въ Нижній попадемъ?
Одинъ сказалъ: когда бъ попасть,
Хоть на Илью...—„Авось придемъ“,
другой, съ болѣзненнымъ лицомъ,
Ему отвѣтилъ: „ахъ, напасть!
Когда бы зажило плечо,
Тянулъ бы лямку, какъ медвѣдь,
И кабы къ утру умереть—
Такъ лучше было-бы еще“...
Онъ замолчалъ и навзничь легъ.
Я этихъ словъ понять не могъ,
Но тотъ, который ихъ сказалъ,
Угрюмый, тихій и больной,
Съ тѣхъ поръ меня не покидалъ!
Онъ и теперь передо мной:
Лохмотья жалкой нищеты,
Изнеможенныя черты
И, выражающій укоръ,
Спокойно-безнадежный взоръ...

Потрясенный до глубины души тѣмъ, что пришлось ему, восьми-девятилѣтнему мальчику, впервые видѣть, онъ искалъ отвѣтовъ у взрослыхъ на мучительные вопросы, возникшіе въ его умѣ при видѣ „угрюмаго, тихаго и больного“ человѣка, который былъ радъ смерти, какъ избавительницѣ отъ невыносимыхъ страданій.

Безъ шапки, блѣдный, чуть живой,
Лишь поздно вечеромъ домой
Я воротился. Кто тутъ былъ—
У всѣхъ отвѣта я просилъ
На то, что видѣлъ, и во снѣ
О томъ, что разсказали мнѣ,
Я бредилъ. Няня испугалъ:
„Сиди, родименькій, сиди!“
Гулять сегодня не ходи!
Но я на Волгу убѣжалъ.

Въ послѣднемъ стихѣ заключена, можетъ-быть, тайна болѣзненно-чуткой, безотрадно-скорбной любви къ страдающему человѣку-брату.

О, горько, горько я рыдалъ,
Когда въ то утро я стоялъ
На берегу родной рѣки,
И въ первый разъ ее назвалъ
Рѣкою рабства и тоски?

—

Что я въ ту пору замышлялъ,
Созвавъ товарищей—дѣтей,
Какія клятвы я давалъ—
Пускай умретъ въ душѣ моей,
Чтобъ кто-нибудь не осмѣялъ?

Кто были его товарищи—мы не знаемъ, вѣроятно, крестьянскія дѣти, съ которыми встрѣчался тайкомъ этотъ сострадательный барченокъ, мечтавшій о подвигахъ самоотверженія, о счастіи людей, обреченныхъ жестокой судьбою на муки, на страданія. Послѣ прогулокъ, по берегу Волги, послѣ тайнаго общенія съ товарищами-дѣтьми, послѣ завѣтныхъ мечтаній и героическихъ клятвъ, онъ съ отвращеніемъ глядѣлъ на отцовскій домъ и съ тревожно-бившимся сердцемъ шелъ домой, услышавъ звуки роговъ, лай собакъ да зычные голоса псарей.

Примолкнувъ, дѣти побѣжали,
Но мать остаться имъ велитъ:
Ихъ взоръ унылъ, не внятенъ лепетъ...
Опять содомъ, тревога, трепетъ?
А ночью свѣчи зажжены,
Обычный пиръ кипитъ мятежно,
И блѣдный мальчикъ у стѣны,
Прижавшись, слушаетъ прилежно
И смотритъ жадно (узнаю
Привычку дѣтскую мою)...
Что слышитъ? пѣсни удалыя
Подъ топотъ пляски удалой;
Глядитъ, какъ чаши круговыя
Пустѣютъ быстрой чередой;
Какъ на лету куски хватаютъ
И ротъ захлопываютъ псы;
Какъ на гѣни растутъ, киваютъ
Большіе дядины усы...
Смѣются гости надъ ребенкомъ
И чей то голосъ говоритъ
Не правда-ль, онъ всегда глядитъ
Какимъ то травленымъ волчонкомъ?
Поди сюда? Блѣднѣетъ мать;
Волчонокъ смотритъ—и ни шагу
Упрямство надо наказать—
Поди сюда?—Волчонокъ тягу...
„Ату его?“

Изъ набросанныхъ выше картинъ семейной жизни Некрасовыхъ мы видѣли иныя проявленія права самого главы дома и владѣльца крѣпостныхъ душъ, видѣли—какъ, по ночамъ, во хмѣлю, онъ буйствуетъ, бьетъ слугъ, рычитъ звѣремъ на жену, а бѣдный Коля, дрожа отъ страха, прислушивается изъ спальни къ неистовому голосу пьянаго отца; теперь-же видимъ—какъ тотъ-же пьяный отецъ, въ присутствіи подобно ему пьяныхъ гостей, своеобразно высказываетъ нѣжную любовь къ сыну, причемъ шутя пугаетъ его за нежеланіе подойти къ нему, за упрямство и, разразившись хриплымъ хохотомъ, кричитъ вслѣдъ убѣгающему: „ату его!“ Въ этомъ ми омъ „ату!“ чувствуется истый псарь.

Жилъ владѣлецъ сельца Грешнева безпутно и срамно, а все-же не безпутнѣе, не срамнѣе своихъ сосѣдей, онъ былъ, пожалуй, если не человѣчнѣе, то приличнѣе большинства крѣпостниковъ-помѣщиковъ. Но сегодня—гульба, завтра—пиръ; каждый день—карты, карты и карты. Однажды Алексѣй Сергѣевичъ, послѣ крупнаго проигрыша, грозившаго ему нищенствомъ, долго разсматривалъ заряженный пистолетъ, нѣсколько разъ прицѣливался себѣ въ високъ, хотѣлъ выстрѣлить, но раздумалъ, ибо тамъ, гдѣ-то въ невѣдомомъ мірѣ, нѣтъ ни льющагося рѣкою вина, ни пьянаго веселья, ни крѣпостныхъ любовницъ, ни псовой охоты, ни картъ. Въ сердцѣ себялюбца шевельнулась надежда на лучшее: авось когда-нибудь, при счастливомъ случаѣ, удастся вернуть проигранное. Шло время, а счастливый случай медлилъ, заставлялъ себя ждать; жить же, какъ жилось прежде, праздно и разгульно было ужъ не возможно, поэтому Некрасову пришлось позаботиться о насущномъ. Онъ имѣлъ на своей отвѣтственности большую семью, которая съ каждымъ годомъ увеличивалась. Если-бы всѣ остались живы, то—кромѣ Николая, Константина и Ѳедора Алексѣевичей да Анны Алексѣевны, младшей дочери, потомство его состояло-бы изъ тринадцати сыновей и еще одной дочери, старшей. Послѣ долгихъ хлопотъ Алексѣю Сергѣевичу удалось получить мѣсто исправника. Исправникъ тѣхъ временъ, какъ извѣстно, являлся почти неограниченнымъ властелиномъ въ своей служебной области или въ предѣлахъ даннаго ему, иногда весьма обширнаго уѣзда, такъ-же, какъ городничій—въ городѣ. Человѣкъ военный, нрава крутого, Алексѣй Сергѣевичъ внушалъ всѣмъ и каждому непреодолимый страхъ, который, впрочемъ, догадливые люди умѣли побѣждать, вѣроятно, не однимъ только послушаніемъ Весною и лѣтомъ, отправляясь дня на два, на три въ уѣздъ, онъ бралъ иногда съ собою сына. Нетрудно вообразить—какія картины проходили передъ дѣтскими глазами. На возвратномъ пути Коля вспоминалъ невольно, со всѣми подробностями, то, что онъ видѣлъ наканунѣ. Вотъ стоитъ предъ нимъ запуганный отцомъ-исправникомъ мужикъ, стоитъ ни живъ, ни мертвъ, блѣдный, понурый, держа въ дрожащихъ рукахъ рваную шапченку, стонтъ и еле дышетъ, готовый повалиться въ ноги уѣздному царьку. Вотъ сильно захмѣлевшій отецъ обнимаетъ чуть не плачущую отъ стыда красивую крестьянскую дѣвушку, что-то шеп-

*) *Необходимое объясненіе*, Разсмотрѣть всесторонне богатое, глубоко содержательное творчество такого поэта, какъ творецъ „*Рыцаря на часъ*“, „*Тишины*“, „*Мороза*“, „*Русскихъ Женщинъ*“ и „*Кому на Руси жить хорошо*“, освѣтить дѣятельность такого передового бойца, какъ редакторъ „*Современника*“ и „*Отечественныхъ записокъ*“, другъ-соратникъ Бѣлинскаго, Добролюбова, Чернышевскаго, товарищъ единомышленникъ Салтыкова, Елисѣева, Писарева, Михайловскаго, опредѣлить значеніе такого представителя русской интеллигенціи минувшаго вѣка, какъ Некрасовъ, трудно въ небольшихъ газетныхъ статьяхъ. Краткіе очерки не прибавляютъ ничего къ тому, что составляетъ скудную литературу о Некрасовѣ. Давая слово редактору-издателю „*Уральской Жизни*“ написать о жизни и поэзіи Н. А. Некрасова, я ограничивался прежде нѣсколькими очерками, но потомъ, когда предо мною, въ яркихъ картинахъ, предстала эпоха, въ которую жилъ и дѣйствовалъ Некрасовъ, мнѣ захотѣлось уже создать нѣчто болѣе совершенное въ сравненіи съ тѣмъ, что было задумано мною годъ тому назадъ и о чемъ объявлено было на столбцахъ этой газеты. Задавшись иною цѣлью, я погрузился въ весьма сложную работу—при накопленіи новыхъ цѣнныхъ матеріаловъ, открытыхъ знакомыми поэта и современными библіографами, слѣдствіемъ чего вмѣсто „*Жизнь и поэзія Некрасова*“, явился трудъ, подъ названіемъ „*Некрасовъ, его время, жизнь и дѣятельность*“, потребовавшій значительно больше времени, почему начать печатаніе его пришлось только въ исходѣ сего декабря. Преслѣдуя главную цѣль труда, я держался извѣстнаго метода Тэна, т. е. разсматривалъ творчество нашего великаго поэта въ связи съ біографическими данными, исторіей времени и общества.

Николай Пановъ.

четъ ей на ухо; она же, вспыхнувъ, не смѣетъ отвѣтить ему на плотоядные взгляды гнѣвнымъ взоромъ, не смѣетъ оттолкнуть его отъ себя, и на я румяныя, невинныя уста ложатся жирные, оскорбительные поцѣлуи развратника. Вотъ кого-то хлещутъ, съ двухъ сторонъ, по спинѣ розгами, слышатся душу раздирающіе вопли. Сердце ребенка возмущено жестокостью отца, въ немъ затаена ненависть, вражда. Въ слѣдующій разъ, когда отецъ хочетъ взять сына въ уѣздъ, Коля прижимается къ матери и со слезами молитъ ее, чтобы она выпросила у отца позволеніе ему остаться дома.

Такъ росъ, воспитывался, жилъ будущій поэтъ. Разъ, послѣ долгаго совѣщанія съ женою, Алексѣй Сергѣевичъ объявилъ Колѣ и его брату въ присутствіи другихъ членовъ семьи, свою родительскую волю. Рѣшено было для приготовленія обоихъ сыновей въ ярославскую гимназію пригласить въ Грешнево какого-нибудь семинариста. Приглашенный семинаристъ оказался горчайшимъ пьяницею, а потому приготовленіе дѣтей къ экзамену отецъ поручилъ въ Ярославлѣ учителю гимназіи.

Въ 1832 г., одиннадцатилѣтній Коля Некрасовъ поступилъ со своимъ братомъ въ первый классъ ярославской гимназіи. Если-бы не мать и не младшіе братья и сестры, онъ, вѣроятно, не вздохнулъ-бы ни разу о ненавистномъ ему родительскомъ домѣ. Новая жизнь, даже не особенно богатая впечатлѣніями, какъ-бы обступила его со всѣхъ сторонъ, заставила его задуматься надъ нѣкоторыми ея выдающимися явленіями, хотя общество, въ которомъ пришлось ему вращаться, состояло преимущественно изъ товарищей по гимназіи, хотя Ярославль того времени имѣлъ видъ не бойкаго, не совсѣмъ благоустроеннаго города, но прелесть новой жизни для Коли заключалась уже въ томъ, что онъ жилъ въ какомъ-бы то ни было да городѣ, а не въ волчьемъ логовищѣ, вродѣ Грѣшнева. Вотъ юмористическое описаніе Ярославля тридцатыхъ годовъ.

. . . . . городъ не широкъ,
Не длиненъ—лай судейской шавки
Въ немъ слышенъ вдоль и поперекъ;
Домишки малы, пусты лавки,
Аптека, два—три кабака,
Тюрьма, шлагбаумъ полосатый,
Домъ судный, госпиталь досчатый
И площадь... площадь велика:
Кругомъ не видно ей границы
И, слышно, осенью, на ней
Чудакъ, заѣзжій изъ столицы,
Успѣшно ищетъ дупелей
. . . . . .
Народъ усталъ—пора и намъ
Одно досадно: по ночамъ,
Должно-быть, переставъ нещадно,
Собака в етъ безотрадно—
Весь городъ чьей-то смерти ждетъ,
Толкуетъ набожно и тихо,
И вѣдь случается—возьметъ
Да и скончается купчиха,
Передъ которой глупый песъ
Три ночи вылъ, поднявши носъ.

Но и среди самого глухого захолустья могъ-же найтись хоть одинъ, достойный вниманія, человѣкъ. Учитель русскаго языка, большой почитатель Пушкина, имя котораго тогда у всѣхъ на устахъ, знавшій наизусть цѣннѣйшіе перлы пушкинской поэзіи, могъ имѣть благотворное вліяніе на гимназиста-новичка, писавшаго тайкомъ стихи. Русская поэзія перерождалась. Давно замолкшій Державинъ и дряхлѣвшій Дмитріевъ отходили въ сѣнь исторіи; Жуковскій, дѣлившій лавры съ Пушкинымъ, безъ спора, отдалъ ему пальму первенства. Вмѣсто прописныхъ истинъ въ неуклюжей дидактической формѣ или басенной прѣсной морали, вмѣсто приторнаго сантиментализма съ томными воздыханіями—увы и ахъ!—по нѣжной Хлоѣ, наконецъ, вмѣсто вѣдьмъ, мертвецовъ, кладбищъ, вдругъ, словно по мановенію волшебнаго жезла, возникъ новый міръ несомнѣнной поэзіи, міръ—близкій и родной каждой русской душѣ, сама дѣйствительность, осмысленная прикосновеніемъ къ ней живого творчества. Коля Некрасовъ бредилъ *„Русланомъ и Людмилою“*, *„Кавказскимъ плѣнникомъ“*, *„Цыганами“*, героями *„Полтавы“*, приходилъ въ восторгъ отъ *„Бориса Годунова“*, только-что вышедшаго тогда цѣликомъ *„Евгенія Онѣгина“*, твердилъ, какъ молитвы, лучшія лирическія стихотворенія Пушкина. Подъ вліяніемъ хронологически-перваго великаго поэта русскаго его стихи становились лучше, размѣры лились плавнѣе, рифмы замыкались звучнѣй, образы являлись болѣе ясными, хотя еще много-много работы предстояло ему впереди.

Среда, окружавшая поэта-отрока, разумѣется, не заключала въ себѣ ничего привлекательнаго, была чужда поэзіи. Онъ и братъ по праздникамъ посѣщали знакомыхъ отца, которые принадлежали къ чиновно-помѣщичьему кругу, имѣли въ деревняхъ, подобно другимъ, крѣпостныхъ, и разговоры у нихъ были одни и тѣ-же—„о сѣнокосѣ, о винѣ, о псарнѣ, о своей роднѣ“ да, пожалуй, еще о картахъ. Ѣли, пили, веселились: бранили мужика, восхваляли своихъ, какъ говорилось тогда—благородныхъ, особенно тѣхъ, кто, обладая наслѣдственнымъ, имѣлъ, хотя-бы и черезъ взятки, благопріобрѣтенное...

Ярославль, какъ извѣстно,—родина русскаго театра, основаннаго нѣкогда Волковымъ-ярославцемъ, но ярославскій театръ, въ тридцатыхъ годахъ, былъ плохъ. Играли въ немъ помѣщики съ супругами; давались запоздалыя псевдоклассическія трагедіи—на подобіе той, въ которой герой, уходя со сцены, уныло провозглашаетъ: „иди ты, князь яви себя въ народѣ, а я пойду отдать послѣдній долгъ природѣ!“ Это вызывало даже слезы. Кажется, тогда уже трогала мягкія сердца мелодрама *„Велизарій“*, наводила ужасъ піеса *„Тридцать лѣтъ или жизнь игрока“*, можетъ-быть, заставляла рыдать надъ собою пресловутая *„Параша-сибирячка“*. Послѣднія три піесы являлись украшеніемъ тогдашняго всероссійскаго репертуара; если прибавить къ нимъ остроумные водевили Д. Ленскаго, то репертуаръ этотъ будетъ исчерпанъ. Коля Некрасовъ никогда съ знакомыми посѣщалъ театръ и возвращался изъ него съ непреодолимымъ желаніемъ написать что-нибудь вродѣ *„Велизарія“*, и непремѣнно стихами. Онъ сдѣлалъ нѣсколько драматическихъ попытокъ, но лирика взяла верхъ надъ другими родами поэзіи вслѣдствіе вполнѣ естественной потребности высказать то, что овладѣвало его душою; однако-же раннее вліяніе театра не прошло, какъ мы потомъ увидимъ, безслѣдно для будущаго творчества поэта. Театръ, и—ничего болѣе отраднаго.. Дома—пошлые разговоры, внѣ домашняго круга—гимназія, товарищи, не всегда располагавшіе къ откровенности. Ученіе шло вяло, не успѣшно. Учителя часто мѣнялись; словесника куда-то перевели, и замѣстившій его оказался тупицей, педантомъ, злючкою. Остальные просвѣтители ничѣмъ отъ него не отличались. Что они дѣлали со своими учениками? На одного надѣвали дурацкій колпакъ на потѣху всему классу, другого поворачивали носомъ въ уголъ, третьяго повергали колѣнами на горохъ; по субботамъ пороли наиболѣе провинившихся, подводя итоги провинностямъ ихъ за всю недѣлю. Это называлось „рачительнымъ отношеніемъ къ ученикамъ“, и подобное раченіе требовалось тогда самими родителями, вознаграждалось, подъ Рождество, индюшками, гусями, утками и прочей живностью, а къ Пасхѣ—нѣсколькими синенькими въ руку“. Царило нѣчто бурсацкое и въ гимназіяхъ; подборъ учителей былъ пестрый, смѣшанный; преобладали военные. Достойны вниманія, напримѣръ, такіе типы. Учитель ариѳметики являлся нерѣдко пьянымъ, воняя сивухою, или разсказывая скверные анекдоты, или преспокойно засыпалъ на каѳедрѣ. Замѣститель словесника, почитателя Пушкина, вѣчно ко всему придирался, требовалъ зубрежки, объясняя урокъ, постоянно заикался, останавливался въ какомъ-то отупѣніи на полуфразѣ, кусалъ рыжую бороду или выдавливалъ у себя на сизомъ маслянистомъ носу прыщи. Преподававшій географію, войдя въ классъ, садился верхомъ на стулъ, громко хлопалъ ладонью по каѳедрѣ произносилъ: „начинаемъ“ и спрашивалъ урокъ почему-то не съ начала, а съ конца, любилъ подхалимовъ, ябедниковъ, ставилъ имъ высшіе балы; другихъ-же награждалъ единицами и ругалъ чертогонами; одѣвался щеголевато и во время урока постоянно жевалъ мармеладъ. Его вскорѣ изгнали за какую-то гнусность. „Латинистъ“ едва читалъ по-латыни, маскировалъ незнаніе своего предмета вѣчнымъ откладываніемъ объясненій урока до слѣдующаго прихода, а „грекъ“ заставлялъ учениковъ заданный къ другому дню урокъ повторять за нимъ, чуть-ли не до десяти разъ, если не болѣе, громко и нараспѣвъ. Законоучитель не успѣвалъ проходить Ветхій Завѣтъ далѣе потопа, а Новый—далѣе изгнанія торжниковъ изъ храма. Учитель чистописанія, бывшій полковой писарь, преподавалъ его, командуя: „разъ! два! три!“ и оплошныхъ лупилъ линейкою по рукамъ. Такіе просвѣтители наполняли едва-ли не всѣ учебныя заведенія пореформеннаго строя, и ярославская гимназія не являлась какимъ-то исключеніемъ У кого изъ нихъ и чему хорошему могъ научиться поэтъ-отрокъ, убѣжденный въ полной непригодности каждаго для того дѣла, къ которому они были призваны? Давно уже, до поступленія въ гимназію, воспитанныя разными уродливыми явленіями жизни, склонность къ желчной насмѣшливости не замедлила проявиться тутъ во множествѣ сатиръ на учителей и гимназическое начальство. Товарищи заучивали эти сатиры, распространяли ихъ, какъ въ своемъ кругу, такъ и внѣ гимназіи; одна изъ нихъ, наиболѣе злая дошла до самого директора, и ярославскій Ювеналъ въ 1838 былъ исключенъ, съ единицею поведенія, ученикомъ 5 класса, при плохомъ знаніи математики, древнихъ языковъ и географіи. Что дѣлать? Пришлось вернуться домой, въ сельцо Грешнево, къ отцу, подъ гнѣвъ и опалу. Цѣлый годъ „дерзкій мальчишка“, какъ называлъ его самъ отецъ, выслушивалъ отцовскіе упреки, брань, угрозы. Какъ-то разъ возвращается Алексѣй Сергѣевичъ отъ своего пріятеля, ярославскаго прокурора Полозова, и говоритъ сыну: „Мы нерадивы, но добрые люди о насъ заботятся. Въ твои лѣта другіе Царю и Отечеству служатъ, самъ по себѣ знаю, а ты здѣсь баклуши бьешь да съ матерью нюни распускаешь... Поѣзжай въ Питеръ, поступи въ дворянскій полкъ. Стихи изъ головы-то выкинь. Нечего откладывать, завтра въ путь-дорогу!“

На другой день отецъ вышелъ благословить сына. Прощаясь, онъ вручилъ ему нѣсколько ассигнацій и письмо отъ ярославскаго Полозова къ Полозову, начальнику III округа корпуса жандармовъ въ Петербургѣ. Предъ окномъ стояли лошади запряженныя въ тарантасъ, а вокругъ тарантаса суетились слуги, укладывая вещи; причемъ старая няня все вздыхала, издали посматривая на своего питомца, а братья и сестра Коли, казалось, не понимали значенія этихъ сборовъ. Сентябрьскій день хмуро смотрѣлъ въ окна, деревья, медленно качая вершинами, уныло шумѣли въ саду, а съ Волги неслось: „Эй ухнемъ! эй ухнемъ!“ Изъ своихъ покоевъ вышла блѣдная, больная мать съ маленькимъ образомъ святителя Николая. Благословивъ имъ сына, готоваго къ отъѣзду, Александра Андреевна едва не упала въ обморокъ. Она не выпускала Колю изъ своихъ объятій, но послышался зычный голосъ гнѣвнаго супруга: „пу, ну, довольно хныкать: Небось, еще не разъ увидишь свое чадо возлюбленное“. Кони тронулись и понеслись. Бѣдная мать, опираясь на руки слугъ, изнеможенная отъ горя, долго-долго глядѣла вслѣдъ сыну, исчезавшему изъ глазъ, плакала, а сынъ? Онъ тоже плакалъ, какъ-бы, предчувствуя, что ему не суждено болѣе ее увидѣть.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Памяти Н. А. Некрасова.

(27 декабря 1877—1902 г.)

Внемли, „муза мести и печали“!
Пускай опять твой страстный, гнѣвный крикъ
Напомнитъ все, о чемъ мы замолчали
Или предъ чѣмъ становимся втупикъ.

Вновь говоря намъ съ молодости ранней:
„Есть времена, есть цѣлые вѣка,
Въ которые нѣтъ ничего желаннѣй,
Прекраснѣе—терноваго вѣнка“...
„Не было ни горя, ни пороковъ“,
По прежнему смѣшонъ нѣтушій бой
„Непонимающихъ толпы пророковъ
Съ невнемлющей пророчествамъ толпой“.
Пусть, „жизнь любя, къ ея привычнымъ благамъ
Прикованный привычкой и средой,
Ты къ цѣли шелъ колеблющимся шагомъ
И для нея не жертвовалъ собой“;
Пускай не разъ душа твоя смутилась
И въ ней къ борьбѣ недоставало силъ,
Но ужъ однимъ немало искупилось:
„Какъ женщину, ты родину любилъ!“
Мы повторимъ, прочтя твою сатиру:
„Природа-мать! Когда-бъ такихъ людей
Ты иногда не посылала міру,—
Заглохла-бъ нива жизни“ и идей.
Ты призванъ былъ воспѣть страданья края—
И молотомъ разилъ твой вѣщій стихъ
Все, что гнететъ, свободу принижая,
Въ пустой игрѣ стремленій мелочныхъ.
Какъ ты страдалъ съ невѣрнымъ каждымъ ходомъ!...
Но всѣ твои заслуги сочтены—
„За каплю крови общую съ народомъ“
Несчастный край проститъ твои вины.
„Не бойся клеветы, родимый:
Ты заплатилъ ей дань живой“...
Въ отчизнѣ ты пѣвецъ любимый—
И надъ твоею головой
Взамѣнъ холоднаго забвенья
Горитъ свѣтлѣе и свѣтлѣй,—
„Вѣнецъ любви, вѣнецъ прощенья,
Даръ кроткой родины твоей“...

N.

Памяти Н. А. Некрасова.

(1877—1902 г.).

Твой стихъ правдивый и свободный
Протестъ души и сердца крикъ,—
Живъ будетъ въ памяти народной,
Доколѣ русскій живъ языкъ.
И наши дѣти, наши внуки,
Святую Русь свою любя,
Въ твоихъ напѣвахъ чудныхъ звуки
Найдутъ родные для себя.
И тѣнь твою благословляя,
И полюбивъ твои мечты,
Быть можетъ, для родного края
Всемъ будутъ жертвовать, какъ ты.

Ант. Уральскій.

Муза мести и печали.

Нужны намъ великія могилы,
Если нѣтъ величія въ живыхъ.

За каплю крови, общую съ народомъ,
Мои вины, о, родина! прости!..

Н. А. Некрасовъ.

Мы не знаемъ въ нашей литературѣ другого поэта, муза котораго встрѣчала бы столько совершенно противорѣчивыхъ, но всегда страстныхъ сужденій, какъ Н. А. Некрасовъ, со дня смерти котораго теперь исполнилось 25 лѣтъ.

Извѣстно, что, когда въ своей рѣчи надъ свѣжей, только что засыпанной могилой поэта, Ѳ. М. Достоевскій отвелъ ему въ русской литературѣ мѣсто вслѣдъ за Пушкинымъ и Лермонтовымъ,—кто-то изъ стоявшихъ возлѣ оратора крикнулъ: „Некрасовъ выше Пушкина и Лермонтова!“ И тотчасъ же сотни молодыхъ голосъ повторили этотъ возгласъ. Начавшійся споръ перешелъ на страницы литературныхъ органовъ и разгорѣлся.

Это не былъ, конечно, споръ объ эстетическомъ равенствѣ или неравенствѣ трехъ поэтовъ, а скорѣе столкновеніе двухъ поколѣній во взглядахъ на литературу и ея значеніе вообще.

Съ точки зрѣнія крайнихъ эстетиковъ Некрасовъ и совсѣмъ не поэтъ.

И. С. Тургеневъ, напр., рѣшительно заявлялъ, что въ стихахъ Некрасова „поэзіи и не ночевала, что поэзіи въ нихъ „нѣтъ ни на грошъ“, что они просто „жеваное паньемаше съ поливкой изъ острой водки“. Въ другомъ мѣстѣ тотъ-же Тургеневъ, однако, сознавался, что „стихи Некрасова, собранные въ одинъ фокусъ, жгутся“.

По моему мнѣнію, способность „глаголомъ жечь сердца людей“—есть то главное, что даетъ право на званіе поэта. Остальное—форма и содержаніе—второстепенно въ смыслѣ такого права.

Итакъ, стихи Некрасова „жгутся“, несмотря на всю ихъ „оскорбительную ясность“.

Ап. Григорьевъ говоритъ, что чувство Некрасова бьетъ съ плеча молотомъ. В. Г. Бѣлинскій съ восторгомъ восклицаетъ: „Что за талантъ у этого человѣка! И что за топоръ его талантъ!“

Очевидно, дѣло, прежде всего, въ томъ, *что* и *съ какимъ чувствомъ* выражалъ Некрасовъ своими стихами, а не въ томъ, какова условная эстетическая форма этихъ стиховъ.

Самъ Некрасовъ къ эстетическимъ достоинствамъ своей музы относился довольно сурово:

Нѣтъ въ тебѣ поэзіи свободной,
Мой суровый, неуклюжій стихъ!
Нѣтъ въ тебѣ творящаго искусства...
Но кипитъ въ тебѣ живая кровь,
Торжествуетъ мстительное чувство,
Догорая, теплится любовь,—
Та любовь, что добрыхъ прославляетъ,
Что клеймитъ злодѣя и глупца...

Такъ самъ поэтъ опредѣляетъ характеръ пѣсенъ, слагаемыхъ его „музой мести и печали“. Эта-то другая, внутренняя сторона и составляетъ *главное* въ произведеніяхъ Некрасова.

Некрасовъ—прежде всего, поэтъ земли. Даже поднимаясь до высоты экстаза, до глубочайшей силы настроенія и чувства,—онъ остается прикованнымъ къ земному. Заоблачныя выси совершенно чужды ему. Но зато ему близко все, что на землѣ волнуетъ и угнетаетъ всѣхъ „униженныхъ и оскорбленныхъ“.

Такова была скованная тяжелымъ молотомъ голодной жизни и долгой борьбы натура поэта, вынесшая изъ этой борьбы положительность и разсудочную ясность духа. „Мнѣ борьба мѣшала быть поэтомъ“,—говоритъ онъ про себя. Или въ другомъ мѣстѣ:

Праздникъ жизни—молодости годы—
Я убилъ подъ тяжестью труда,
И поэтомъ, баловнемъ свободы,
Другомъ лѣни не былъ никогда.

Однако, нужно было оставаться большимъ идеалистомъ, чтобы, послѣ всѣхъ перенесенныхъ мытарствъ, такъ *упорно* любить и такъ упорно бороться за то, что любишь. Пусть въ наружной жизни, какъ человѣкъ, Некрасовъ, кое чему подчинялся, чтобы потомъ жестоко и безпощадно къ самому себѣ каяться. Но внутренняя его жизнь была устойчива и неизмѣнна, и о ней онъ съ полнымъ правомъ могъ сказать: „Межъ мной и честными сердцами порваться долго ты не дашь живому, кровному союзу“...

У него не было любви, не сопряженной со страданіемъ. Свѣтлый образъ его матери всегда представлялся ему въ ореолѣ мученичества и подвижничества. Огромная любовь къ народу, начавшаяся при видѣ картинъ крѣпостническаго самодурства въ домѣ отца, разрослась до „печали и гнѣва“ при звукахъ бурлацкихъ пѣсенъ, при видѣ „бездны труда, голода и мрака“, встрѣченной имъ на первыхъ же шагахъ въ Петербургѣ. Самъ пройдя тяжелую школу, поэтъ, руководимый инстинктомъ творчества и потребностью высказаться, неизбѣжно пришелъ къ выводу:

Съ твоимъ талантомъ сладко спать!
Еще стыднѣй въ годину горя
Красу небесъ, долинъ и моря
И ласку милой воспѣвать.

И объектомъ его поэзіи стала современная ему дѣйствительность, обернувшаяся подъ угломъ его зрѣнія своими мрачными сторонами, которыя оставляли душѣ только месть и печаль.

. . . . Грустенъ напѣвъ
Нашихъ пѣсенъ, нельзя не сознаться;
Передѣлать его не сумѣвъ,
Мы рѣшились при немъ оставаться.
Примиритесь же съ музой моей!
Я не знаю другого напѣва.
Кто живетъ безъ печали и гнѣва,
Тотъ не любитъ отчизны своей..

„Некрасовъ,—по словамъ Г. З. Елисѣева,—ясно понималъ ветошь и ничтожность дореформеннаго строя, видѣлъ невозможность его долгаго существованія и не могъ не быть борцомъ за новую идею. Только во имя ея онъ могъ слагать свои пѣсни, только ея дѣло онъ могъ вести такъ усердно всю жизнь, какъ онъ его несъ. Правда, онъ не былъ теоретикомъ, у него не было предвзятаго опредѣленнаго міросозерцанія, но онъ, навѣрное, пошелъ бы за новою идеею до тѣхъ поръ, пока она не создала бы лучшаго строя жизни, возможнаго для разумнаго человѣческаго существованія“. Не будучи въ этой созидательной работѣ героемъ, способнымъ пожертвовать ради идеи жизнью,—Некрасовъ до боли, до страсти терзался своей, иногда даже черствой положительностью, мѣшавшей ему быть болѣе устойчивымъ, и создалъ себѣ настоящій „культъ героизма“ Недаромъ говоритъ онъ:

Природа—мать! Когда-бъ такихъ людей
Ты иногда не посылала міру,—
Заглохла-бъ нива жизни..

Въ немъ самомъ—сдерживаемая положительностью, практичностью—кипѣла, однако, безгна любви къ страдающему и несчастному человѣчеству, вообще, и къ русскому народу, въ особенности. Съ непреклонною смѣлостью мысли онъ возводилъ въ культъ свободу человѣческой личности, и не бичемъ, а молотомъ поражалъ все, что стоитъ на пути къ этой свободѣ. Неправы критики, полагающіе, какъ С. А. Андреевскій („Литературныя чтенія“), что „книга Некрасова можетъ еще не разъ всплывать, служить орудіемъ, перечитываться“ только, „какъ документъ, свидѣтельствующій о горячей борьбѣ, какъ иллюстрація къ общественному злу“. Гораздо больше. „Убогая и нарядная,“ „Размышленія у парадного подъѣзда“, эти „шумныя вещи“, значительно утратившія, по мнѣнію г. Андреевскаго, „свое обаяніе“, —читаются и теперь и будутъ читаться съ громаднымъ интересомъ до тѣхъ поръ, пока не исчезнутъ указанныя въ нихъ съ громадною силой и яркостью темныя стороны *общечеловѣческой* жизни. Справедливо, что „въ произведеніяхъ Некрасова слишкомъ много ума, чтобы они утратили интересъ историческій. Но этого мало. Жгучія пѣсни „музы мести и печали“ заключаютъ въ себѣ слишкомъ много чувства и огненной силы, чтобы утратилось ихъ свойство—учить мыслить „о равенствѣ, о братствѣ, о свободѣ“. И это значеніе Некрасовскихъ пѣсенъ—едва-ли когда-нибудь заслужитъ историческое забвеніе. Правда только, что нѣкоторыя его произведенія, имѣющія, дѣйствительно, текущій, почти злободневный интересъ, произведенія „фельетоннаго“ характера—и теперь уже не имѣютъ другого значенія, кромѣ историческаго и историко-литературнаго,—но и по нимъ нерѣдко разсыпаны блестки „счастливыхъ вдохновеній таланта“, гнѣвнаго и мстительнаго. И въ нихъ тоже слышатся призывы къ осужденію всего низменнаго, пригнетающаго, пошлаго...

Несомнѣнно, что историческій моментъ нашелъ въ Некрасовѣ сильнаго и страстнаго пѣвца, и содержаніемъ этого историческаго момента въ значительной степени опредѣляются темы, вдохновлявшія „музу мести и печали“ и дѣлавшія ее *національной*.

На первый планъ выдвигаются нужды, запросы и неурядицы простонародной среды, нашедшей въ Некрасовѣ страстнаго заступника и художника. Лишне указывать всѣ многочисленныя произведенія поэта, посвященныя этому предмету и рисующія „горя рѣченьку бездонную“. Они должны быть всѣмъ знакомы въ подлинникѣ. Если „раненое въ самомъ началѣ жизни сердце“ Некрасова и „язвы совѣсти больной“ неудержимо привлекали его вниманіе больше всего къ отрицательнымъ сторонамъ жизни, придавая его поэзіи трагическій характеръ и часто настраивая его лиру на безпощадно-сатирическій ладъ,—то любовь къ народу, вѣра въ его силы и его историческое будущее—одна умѣла дать его поэзіи бодрые и вѣрующіе звуки.

Но иные говорятъ, что Некрасовъ не любилъ народа...

Н. Страховъ увѣряетъ, что поэтъ „всегда не прочь грустно посмѣяться или тоскливо поглумиться надъ народомъ“. Такое увѣреніе—совсѣмъ дурного тона. С. А. Андреевскій, лавая рѣшительный отпоръ мнительному и крикливому критику,—справедливо замѣчаетъ: „Эта любовь—не только къ народу, но и ко всѣмъ обездоленнымъ и голодающимъ—течетъ у Некрасова лавою по всѣмъ его произведеніямъ. Она имѣетъ всѣ оттѣнки: раздирающей душу скорби („Морозъ“), смѣлой защиты передъ сильными міра („Парадный подъѣздъ“), доброй ласки отца („Крестьянскія дѣти“), горячей заботы публициста („Плачъ дѣтей“, „Желѣзная дорога“), вдохновеннаго увлеченія поэта („Коробейники“, „Зеленый шумъ“) и т. д. и т. д. „Грубая живопись, которою иногда пользуется поэтъ, чтобы показать убожество крестьянской жизни, ничуть не доказываетъ чего нибудь подобнаго тому, на что напираетъ Страховъ.

Достоевскій свидѣтельствовалъ: „У Некрасова была своя, своеобразная сила въ душѣ, не оставлявшая его никогда,—это истинная, страстная, а главное непосредственная любовь къ народу. Онъ болѣлъ о страданіяхъ его всей душой, но видѣлъ въ немъ не одинъ лишь униженный рабствомъ образъ, звѣрской подобіе, но смогъ силой любви своей почти безсознательно понять и красоту народную, и силу, и умъ его, и страдальческую кротость его, и даже частью увѣровать и въ будущее предназначеніе“...

Русская крестьянка, „все выносящая русскаго племени многострадальная мать“—вотъ тотъ сильный образъ, въ которой воплотилось жившее въ Некрасовѣ сознаніе мощной силы народа

Та-же вѣра въ добрыя стороны народа и неподдѣльная любовь къ нему выливается пѣснею Гриши („Кому на Руси жить хорошо“):

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и безсильная,
Матушка—Русь!

Въ рабствѣ спасенное
Сердце свободное—
Золото, золото
Сердце народное!

Однако, надѣясь на лучшее будущее, Некрасовъ въ текущемъ днѣ все-таки не находилъ „вольныхъ впечатлѣній“—и его иногда посѣщало мучительное сомнѣніе, заставлявшее спрашивать въ обращеніи къ народу:

Ты проснешься-ль, исполненный силъ,
Иль, судебъ повинуясь закону,
Все, что могъ, ты уже совершилъ,—
Создалъ пѣсню, подобную стону,
И духовно навѣки почилъ?...

Любовь Некрасова и проповѣдь его выражалась, вообще, „враждебнымъ словомъ отрицанья“, призывомъ къ злобѣ и мести.

То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидѣть,—

заявлялъ поэтъ, но эти слова для него лично были преувеличеніемъ. Онъ вѣрилъ въ человѣка больше, что и высказалъ устами своего гражданина:

Не вѣрь, что вовсе пали люди!
Не умеръ Богъ въ душѣ людей,
И вопль изъ вѣрующей груди
Всегда доступенъ будетъ ей.

И въ другомъ мѣстѣ поэтъ вѣрно предсказывалъ, что

. . . только трупъ его увидя,
Какъ много сдѣлалъ онъ, поймутъ,
И какъ любилъ онъ, ненавидя.

Изъ мрачнаго взгляда на жизнь, воспитаннаго самою же жизнью, личной и окружающей,—создалась печаль и жажда мести въ Некрасовскихъ пѣсняхъ, но эта месть увлекала его „отъ ликующихъ, праздно—болтающихъ, обагряющихъ руки въ крови“,—„въ станъ погибающихъ за великое дѣло любви“. И онъ былъ пѣвцомъ этого стана.

Какъ вдохновенный учитель, онъ пѣлъ:

Нейди просторною
Дорогой торною
Страстей раба.

. . . . . .

Иди къ униженнымъ,
Иди къ обиженнымъ—
По ихъ стопамъ,
Гдѣ трудно дышется,
Гдѣ горе слышится,
Будь первый тамъ...

Яркими штрихами самъ поэтъ рисовалъ свою музу:

Нѣтъ, музы ласково поющей и прекрасной
Не помню надъ собой я пѣсни сладкогласной.
. . . . . .
Но рано надо мной отяготѣли узы
Другой, неласковой и нелюбимой музы,
Печальной спутницы печальныхъ бѣдняковъ,
Рожденныхъ для труда, страданья и оковъ...
. . . . . .
Чрезъ бездны темныя Насилія и Зла,
Труда и Голода она меня вела,—
Почувствовать свои страданья научила
И свѣту возвѣстить о нихъ благословила..

Въ „Поэтѣ и гражданинѣ“ выступаетъ та же печальная, мстительная и страдающая муза:

О, Муза, гостьею случайной
Являлась ты душѣ моей,—
Иль пѣсенъ даръ необычайный
Судьба предназначала ей?
Увы! Кто знаетъ? рокъ суровый
Все скрылъ въ глубокой темнотѣ.
Но шелъ одинъ вѣнецъ терновый
Къ твоей угрюмой красотѣ.

Въ стихотвореніи „Тишина“ поэтъ, обращаясь къ родной сторонѣ, говоритъ:

Я твой. Пусть ропотъ укоризны
За мною по пятамъ бѣжалъ,
Не небесамъ чужой отчизны—
Я пѣсни роднѣ слагалъ!

Въ „Элегіи“ читаемъ:

Я лиру посвятилъ народу моему,
Быть можетъ, я умру, невѣдомый ему,
Но я ему служилъ—и я умру спокоенъ!
Пускай наноситъ вредъ врагу не каждый воинъ,
Но каждый въ бой идетъ! А бой рѣшитъ судьба...
Я видѣлъ красный день: въ Россіи нѣтъ раба!
И слезы сладкія я пролилъ въ умиленьѣ...
„Довольно ликовать въ наивномъ увлеченьѣ,
Шепнула Муза мнѣ! „Пора идти впередъ:
Народъ освобожденъ, но счастливъ ли народъ“!..

Остановимся на этой выпискѣ.

Для Некрасова, какъ сатирика, весьма характерно это сомнѣніе, нашептанное его Музой.

Весь отдавшись цѣли дискредитировать крѣпостничество въ общественномъ сознаніи,—онъ, конечно, не могъ не привѣтствовать 19 февраля 1861 года. Много тоски слышится въ относящемся къ этому году стихотвореніи, гдѣ говорится: „Мать—отчизна! Дойду до могилы, не дождавшись свободы твоей!“ Однако, поэтъ посвятилъ великому событію 1861 года сравнительно незначительное по размѣрамъ стихотвореніе („Свобода“) въ 16 строкъ, причемъ и тутъ не могъ не оговориться:

Знаю: на мѣсто сѣтей крѣпостныхъ
Люди придумали много иныхъ...

Позже онъ какъ бы возвращается къ этому, поясняя:

Порвалась цѣпь великая,
Порвалась—разскочилася,
Однимъ концомъ по барину,
Другимъ по мужику.

Однако, возвращаемся къ выясненію того, какъ самъ Некрасовъ смотритъ на свою музу. Поэтъ знаетъ, что его стихи

. . . волнуютъ мягкія сердца,
Какъ внезапно хлынувшія слезы
Съ огорченнаго лица.

Въ другомъ, маленькомъ стихотвореніи онъ высказывается:

Стихи мои! Свидѣтели живые
За міръ пролитыхъ слезъ!
Родитесь вы въ минуты роковыя
Душевныхъ грозъ
И бьетесь о сердца людскія,
Какъ волны объ утесъ.

Были обстоятельства, которыя волновали поэта и не давали ему увѣренности въ томъ, что онъ найдетъ должную оцѣнку себѣ и что ошибки его какъ человѣка, не зачтутся ему потомствомъ.

Отдаваясь покаянному настроенію, онъ проситъ:

За каплю крови, общую съ народомъ,
Мои вины о, родина! прости.

Или съ грустной ироніей, за которою чуются слезы, убѣждаетъ самъ себя.

Что ты, сердце мое, расходилося?...
Постыдись! Ужъ про насъ не впервой
Свѣжнымъ комомъ прошла—прокатилася
Клевета по Руси по родной.
Не тужи! пусть растетъ, прибавляется,—
Не тужи! какъ умремъ,
Кто—нибудь и о насъ проболтается
Добрымъ словцомъ.

Такъ трудно было Некрасову опредѣлить самостоятельную цѣнность его поэтической работы. Только уже въ самый годъ смерти поэтъ почувствовалъ, что родина „проститъ“ его—и „Муза мести и печали новымъ для неспокойно-величавымъ языкомъ произнесла надъ нимъ чудную пѣсню:

Не бойся горькаго забвенья:
Ужъ я держу въ рукѣ моей
Вѣнецъ любви, вѣнецъ прощенья,
Даръ кроткой родины твоей...

Тѣ же утѣшительные для поэта звуки слышатся въ другомъ стихотвореніи, написанномъ также въ годъ смерти:

О, Муза! я у двери гроба!
Пускай я много виноватъ,
Пусть увеличитъ во сто кратъ
Мои вины людская злоба—
Не плачь! завиденъ жребій нашъ,
Не наругаются надъ нами...
. . . . . .
Не русскій взглянетъ безъ любви
На эту блѣдную, въ крови,
Кнутомъ изсѣченную музу..

Послѣдними словами Некрасовъ какъ бы самъ указываетъ на *глубоко-національный* характеръ своей поэзіи, говорящій о Россіи, о русскихъ, по поводу русскаго...

Что касается мнѣнія, будто этотъ гнѣвный плачъ „музы мести и печали“ надъ язвами нашего общественнаго организма уже отжилъ свое время,—то считаться съ такимъ мнѣніемъ совершенно безполодно,

Совершенно справедливо указываетъ Ѳ. Батюшковъ („СПБ. Вѣд.“), что „завѣты поэта во многомъ еще подлежатъ осуществленію, при всей ихъ кажущейся элементарности. Одинъ изъ нихъ, въ особенности, долженъ быть намъ дорогъ, такъ какъ касается всего общества:

Чтобы благія начинанія
Могли свободно возрасти,
Разлей въ народѣ жажду знанія
И къ знанью укажи пути. („Гимнъ“).

Значеніе поэзіи Некрасова и его общественная программа въ настоящее время по различнымъ обстоятельствамъ далеко еще не могутъ быть уяснены въ полномъ объемѣ.

Но его мало называть „поэтомъ-гражданиномъ“, мало говорить, какъ С. А. Андреевскій, что Некрасовъ—„это неотразимо-яркое, незабвенное имя нашей гражданственности“.

Это—незабвенный пѣвецъ и художникъ *національной скорби*, которой еще нѣтъ конца...

И пока не разрѣшены всѣ тяжелыя проблемы нашей общественной организаціи—мы всегда будемъ почерпать въ страницахъ Некрасова отвагу и благословеніе на борьбу со зломъ.

Нужны намъ великія могилы,
Если нѣтъ величія въ живыхъ!

П. Б.

ТЕЛЕГРАММЫ.

Россійскаго Телеграфнаго Агентства).

28-го декабря.

ПЕТЕРБУРГЪ. Назначенъ прокуроръ Владивостокскаго окружнаго суда Скворцевъ предсѣдателемъ Портъ-Артурскаго окружнаго суда.

— Пріостановлено изданіе газеты „Курьеръ“ на три мѣсяца.

— Празднованіе столѣтія учрежденія министерства внутреннихъ дѣлъ назначено на 29 декабря.

АСХАБАДЪ 25 декабря въ 11 час утра въ Андижанѣ вновь ощущалось землетрясеніе. Былъ сильный вертикальный толчекъ; со зданій падали кирпичи, несчастій съ людьми не было.

ЛЬВОВЪ. На нефтяныхъ промыслахъ въ Бориславѣ вспыхнулъ пожаръ, принявшій большіе размѣры; нѣсколько домовъ уничтожены; пожаръ утромъ

УРОКИ НА СКРИПКѢ,
мандолинѣ и рояли. Адресъ уг. Клубной и Васенновской ул., д. Антонеско, спросить Беньковскаго.

А. П. МАЗУРОВЪ.
Въ Екатеринбургѣ, наискось первой части.
Книги, картины, иконы, кіоты, обои, зеркала, клеенки и календари отрывочные и настольные на 1903 годъ.
По самымъ уменьшен. цѣнамъ.

Маскарадные Костюмы
(НОВЫЕ) въ парикмахерской Д. Н. Кролевецкаго. Покровскій проспектъ, домъ Линдеръ.

ПРОДАЮТСЯ
кирпичe-черепице и трубно-дѣлательныя
машины.
Желающіе купить машины или интересующіеся ими могутъ видѣть ихъ ежедневно у Я. М. Шульцъ, Архіерейская улица, д. № 37.

ПОЛУЧЕНЫ СВѢЖІЕ
апельсины МАНДАРИНЫ,
заграничные ЯБЛОКИ
и крымскія **ГРУШИ**
въ магазинахъ З. ВАЛИТОВА
Екатеринбургъ, д. Иванова и д. Скавронской по Главному пр., отд. въ въ Н.-Тагилѣ.

ВЪ МОДНОМЪ ШЛЯПНОМЪ
магазинѣ
А. И. Русановой
по Успенской ул., д. № 23,
ПОЛУЧЕНЫ
БАЛЬНЫЕ ЦВѢТЫ и ВѢЕРА.

ЦѢНА: 1 р. 50 к. коробка.

Малокровіе.
Лѣчится
Пилюлями
Пинкъ.
Продаются
ПИЛЮЛИ ПИНКЪ
во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.
Цено въ Екатеринбургѣ Русское Обществ Торговли Аптекарскими Товарами.

ЦѢНА: 1 р. 50 к коробка.

Отдается квартира
въ четыре комнаты, или по желанію отдѣльно со столомъ и безъ стола. Адресъ: Ново-Московская ул., д. Дорнбушъ № 14

Кирпичный ЧАЙ
ящиками продается недорого; тутъ же нуженъ ДЕСЯТНИКЪ знакомый съ искусственными сооруженіями.
Солдатская ул. № 28 Черепановъ съ 9 до 11 и съ 3 до 5 час. дня.

ХИМИЧЕСКАЯ ЧИСТКА
— и —
паровая красильная
Г. Э. КАТТЕНБУШЪ
Водочная ул., д. № 39 Рядомъ съ домомъ Трудолюбія.
Заказы принимаются въ мастерской и при магазинѣ Олигеръ, Колобовская ул., № 21.

САДОВОДСТВО Д. И. ЛОБАНОВА.
въ Екатеринбургѣ
Каталогъ сѣмянъ и растеній на 1903 г. № 40 будетъ высланъ всѣмъ желающимъ безплатно. Вышло изъ печати **наставленіе къ уходу за комнатными растеніями**, 3-е изданіе, 60 к съ пересылкой. Букеты и бутоньерки изъ живыхъ цвѣтовъ.

І. А. Логиновъ,
Екатеринбургъ, Успенская, (Наискось Агафуровыхъ).
Буфеты, комоды, шкафы, мраморные умывальники, зеркала, вѣнскіе стулья, кровати и матрацы, мягкая мебель, мебельныя матеріи, сундуки, экипажи, Варшавскія кровати, металлическіе вѣнки.
Багетъ и бемское оконное стекло.

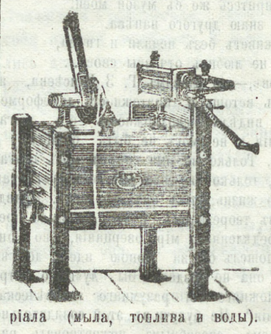
Магазинъ и мастерская
Церковныхъ и чеканныхъ издѣлій
Г. К. ХАРИТОНОВА
въ *Перми*:
золото, серебро, брилліанты, уральскіе камни и карманные часы Г. Мозеръ и К°.
Прейсъ-курантъ безплатно.

Большой выборъ гребенокъ
и прически головы. Свадебныя шкатулки туалетныя принадлежности.
ОПТОВО-РОЗНИЧНОЕ ОТДѢЛЕНІЕ
Богоявленская ул., д. Бр. Дмитріевыхъ, противъ Каѳедральнаго собора.

Къ предстоящимъ праздникамъ!
ЛУЧШІЕ ПОДАРКИ
ВО ВНОВЬ ОТКРЫТОМЪ МАГАЗИНѢ
Крумнасъ
Покровскій проспектъ, домъ БАБУШКИНА,
самые изящные и новые фасоны ювелирныхъ вещей
заграничной работы съ настоящими драгоцѣнными камнями, ЧАСЫ своей фабр.
Принимаются заказы и починка. — ЦѢНЫ УМѢРЕННЫЯ.

СУЩЕСТВУЕТЪ СЪ 1882 ГОДА
Извѣстное граверно-рѣзное ювелирное заведеніе и фабрика каучуковыхъ штемпелей
А. ВИЛЕНСКАГО
исполняетъ изящно и скоро заказы каучуковыхъ штемпелей, гравировка на ЗОЛОТѢ, СЕРЕБРѢ и другихъ металлахъ.
ВЫПОЛНЕНІЕ монограммъ и разныхъ украшеній при помощи вновь полученныхъ новѣйшихъ станковъ.
Каталоги по требованію высылаются безплатно.
Адресъ: *Екатеринбургъ, Пушкинская ул. д. Уварова 4. А. Виленскій.*

Посудно-мебельно-зеркальный ламповый магазинъ
Семена Васильевича ЯНИНА
Изъ дома наслѣдниковъ Дмитріева въ Екатеринбургѣ **ПЕРЕВЕДЕНЪ** въ новое каменное помѣщеніе наслѣдниковъ Дмитріева-же (въѣздъ и входъ въ ворота), въ каковомъ помѣщеніи съ 1-го октября 1902 года и происходитъ
ПОСТОЯННАЯ ТОРГОВЛЯ спеціально только **оконнымъ стекломъ, зеркальнымъ и бемскимъ**, зеркалами и мебелью при большомъ выборѣ и по значительно пониженнымъ цѣнамъ, на весь наличный оставшійся и вновь получаемый посудный, ламповый и прочій товаръ, на каковой и происходитъ съ 1 го же октября 1902 г.
РАСПРОДАЖА съ большой скидкой
Тутъ-же принимаются заказы на стекло и мебель и имѣются алмазы для рѣзки стеколъ цѣною отъ 60 к. до 30 р. за штуку.
С. Янинъ.



ТЕХНИЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ
И. Ф. БЕРТРАНДЪ.
Екатеринбургъ, д. Ярутиной, напротивъ Польскаго костела
НОВОСТЬ — фабричное клеймо. — НОВОСТЬ
Прачешная машина «Стелла»
Она мастъ, какъ самыя грубыя, такъ и нѣжныя ткани. Бѣлье не портится и не рвется, а наоборотъ сберегается болѣе, чѣмъ при стиркѣ руками. Громадная экономія труда и матеріала (мыла, топлива и воды). Бѣлье вымывается втрое скорѣе, чѣмъ руками. Уходъ за машиной чрезвычайно простой.
Вслѣдствіе перечисленныхъ качествъ своихъ, машина „СТЕЛЛА" является необходимой для каждаго семейства домовладѣльца, артелей, содержателя прачешныхъ заведеній, гостинницъ, пріютовъ, войсковыхъ частей, госпиталей попечительствъ и друг. учрежденій. Имѣется постоянный запасъ при мастерской. Даю полную гарантію.

Въ числѣ приложеній: ГЕОГРАФИЧ. АТЛАСЪ (карты къ Энц. Словарю). ФРАНЦУЗСКО-РУСС. СЛОВАРЬ.

БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ.

52 №№ журнала	около 2000 стр. текста 500 иллюстр.	Открыта подписка на 1903 г. на новый *общедоступный* иллюстрир. еженед. журналъ (пробный № въ Ноябрѣ 1902 г.)
12 книгъ прилож.	около 4000 стр. текста 900 иллюстр.	

ЦѢНА на годъ **6 р.** съ пересылкой.
РАЗСРОЧКА: при подпискѣ—2 р. къ 1 Марта—2 р. и къ 1 Мая—2 р.

ВѢСТНИКЪ и БИБЛІОТЕКА САМООБРАЗОВАНІЯ.

ПРИ ВЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТІИ:
К. К. Арсеньева, К. А. Бенигова, К. Г. Гурвича проф. *Гизелова* проф. *Дювеля* проф. *Иностранцева* проф. *Карѣева* проф. *Менделѣева* проф. *Петрушевскаго* *Э. Л. Радлова, А. Н. Соловьева* проф. *Сакетти* проф. *Фаусека* проф. *Челпанова* проф. *Шимкевича* акад. *Янжула* и др. сотрудн.
Въ распоряженіе Редакціи предоставлены всѣ матеріалы, принадлежащіе Энц. Словарю Брокгауза и Ефрона
Энцикл. Словарь Брокгауза и Ефрона

ЗАДАЧА журнала — сдѣлать „университетъ" доступнымъ **ДЛЯ ВСѢХЪ**. Матеріалъ для чтенія по всѣмъ отдѣламъ наукъ, искусствъ и литературы, размѣщенный въ СИСТЕМАТИЧЕСКОМЪ порядкѣ и изложенный общедоступнымъ языкомъ.—Оригинальныя статьи русскихъ ученыхъ.—Критическое освѣщеніе новѣйшихъ открытій въ наукѣ.—Открытія и изобрѣтенія.—Въ фельетонахъ научно-популярные романы (эвристическій романъ Докса и др.).—Отвѣты на вопросы подписчиковъ. — Масса иллюстрацій.

Подписавшіеся въ 1902 г. получатъ (кромѣ 52 № журнала и прилож.) также безплатно: **„ГАЛЛЕРЕЮ РУССКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ"** (роскошн. худож. альбомъ съ поясн. текстомъ).

НАЗВАНІЯ БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ:
(стоимость ихъ въ отдѣльн. продажѣ 37 р. 75 к.).
1. Проф. *Вундтъ*. Введеніе въ философію.
2. Проф. *Оствальдъ*. Философія природы.
3. Подъ ред. проф. *Карѣева*. Введеніе въ изученіе соціальныхъ наукъ.
4. Проф. *Н. И. Кареевъ*. Общій ходъ всемірной исторіи.
5. Подъ ред. проф. *Сакетти*. Музыкальное образованіе любителя. Эстетика, исторія и теорія музыки.
6. Подъ ред. проф. *А. С. Довеля*. Гигіена семьи и школы (109 рис.).
7. Проф. *Неезенъ*. Попул. физика (284 рис.).
8. Проф. *Поле*. Звѣздные міры и ихъ обитатели. Введеніе въ соврем. астроном. (53 рис.).
9. Подъ ред. проф. *В. А. Фаусека*. Сущность и эволюція жизни. (Сборн. ст.) (150 рис.).
10. Проф. *Пизонъ*. Человѣкъ и животный міръ. (264 рис.).
11. *Франц.-Русскій Словарь*.
12. *Географическій атласъ*.

Подписавшіеся послѣ 31 Декабря 1902 г. получатъ только 52 №№ журнала и 12 безплатныхъ приложеній.
Требованія и деньги адресовать: Въ контору „Вѣстника и Библіотеки Самообразованія" *С.-Петербургъ*, Прачешный, 6, при Конторѣ Редакціи Брокгауза-Ефронъ.
РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ проф. П. И. БРОУНОВЪ.
Новый журналъ. — БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ.
При подпискѣ 2 р., къ 1 Марта р. и къ 1 Мая р.

Піанистка,
вновь пріѣзжая, желаетъ играть на балахъ и вечерахъ. Адресъ уг. Клубн. и Васенн. ул., д. Антонеско, спросить Беньковскую.

Тюмень. **ЗАОЧНЫЕ уроки** теоріи музыки и игры на гитарѣ. А. М. Афромѣеву.
Свыше 1000 лицъ обучившихся. Принимается подписка на 7-е изданіе полнаго курса. Подписная цѣна съ пересылкой 10 р. Допускается разсрочка по 2 руб. въ мѣсяцъ. Пробная лекція 35 коп. марками. Подробности и условія безплатно.
Тюмень, Тобольск. губ. А. М. АФРОМѢЕВУ.

ЕКАТЕРИНБУРГСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ
РУССКАГО ОБЩЕСТВА ТОРГОВЛИ АПТЕКАРСКИМИ ТОВАРАМИ.
34.—Златоустовская улица—34.
Люфа (мочалки Египетскія.)

Магазинъ Захо
въ Екатеринбургѣ.
Большой выборъ **КОНЬКОВЪ** разныхъ фасоновъ

Винно-гастрономическій магазинъ
и **КОЛБАСНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ**
М. В. Топорищева
въ Екатеринбургѣ.
Раковыя шейки и фаршированныя оливки
Телефонъ № 113.

Сибирскіе Американскіе и Русскіе мѣха, мѣховыя отдѣлки
ШАПКИ, МУФТЫ, БОА и ГОРЖЕТКИ съ головками звѣрей
въ магазинахъ
ІОНОВА и АЛИНА
продажа безъ запроса.

ОТЪ КОВАЛЬСКАГО.
Фаршированныя издѣл.: гуси, языки и копч. полендвица, сало малорос. сосиски, рулеты безъ кости и проч. товары.
ВЪ ВИННО-КОЛОНІАЛЬНОМЪ и ГАСТРОНОМИЧЕСКОМЪ МАГАЗИНѢ
Т-во Р. ФЕДОСѢЕВА С-вья
въ Екатеринбургѣ, Златоустовская улица, собственный домъ 18—39.

Въ магазинѣ Ермолаева
Получены кіевскіе окорока
окороками 30 коп. и запеченные 45 коп. фунтъ, нѣжинскіе огурцы, моченые яблоки, маринованая вишня, соленые арбузы, грузди и бѣлые грибы, крымскія груши Сенъ-Жерменъ. Цѣны умѣренныя.

БАГЕТЫ и ОЛЕОГРАФИЧЕСКІЯ **КАРТИНЫ**
—) и (—
ПРІЕМЪ ЗАКАЗОВЪ на всевозможныя багетныя рамы
Во вновь открытомъ магазинѣ
Уголъ Покровскаго пр. и Уктусской ул.

КЪ ПРАЗДНИКУ
Заготовленъ большой выборъ **самоваровъ, кофейниковъ, подносовъ, сахарницъ, сливочниковъ**, разной чугунной, эмалирован., мѣдной, **мельхіоровой посуды**
и различныя хозяйственныя вещи
въ магазинѣ скобяныхъ издѣлій
ТУЛЬСКИХЪ КУСТАРЕЙ
Х. Л. Кисельманъ,
Екатеринбургъ, Старый Гостиный Дворъ, прот. Каѳедральнаго собора, ряд. съ маг. Замятина.

Теплыя ПЕРЧАТКИ разныхъ сортовъ.
галстуки, корсеты,
БАНДАЖИ для грыжи и БИНТЫ.
КРУЖКИ Эсмарха.
ПАРФЮМЕРІЯ разн. фабрикъ.
Запонки, подтяжки, гребни, щетки.
БѢЛЬЕ Мей и Эдлихъ,
а также изъ настоящаго полотна мужскіе воротнички, манжеты и манишки.
ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ ручныя и ножныя.
Р. ШТРОЛЬ
Покровскій просп., домъ Бабушкина
ПРИНИМАЮТСЯ ВЪ ЧИСТКУ ПЕРЧАТКИ.

Посудно-мебельный магазинъ
Г. А. ЛОГИНОВА
въ Екатеринбургѣ, Госпитальная ул., противъ Поклевскихъ.
Получены чайный и столовый сервизы, хрусталь, эмалированная посуда, лампы; вѣнская бамбуковая и столярная мебель; зеркала, умывальники, кровати, матрацы, буфеты, гардеробы, комоды и другіе предметы.

Слесарно-мѣдно подопроводно механическая мастерская и производство желѣзно-луженой посуды
И. М. Коптѣловъ.
Въ большомъ выборѣ унитазы всѣхъ системъ циркуляціонныя печи для ваннъ, ванны мѣдныя, цинковыя, желѣзные краны и всякія и прочія водопроводныя принадлежности и электрическіе звонки и ихъ принадлежности.
Екатеринбургъ, Механическая ул., № 2. Телефонъ № 229, 2-е отдѣленіе Солдатская ул., № 94.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1903 ГОДЪ НА
XVI-ый годъ изданія XVI-ый
СѢВЕРЪ еженед. иллюстр. лит. худ. журналъ
Въ 1903 году гг. подписчики получатъ **24 КНИГИ** Собраній сочиненій **Вс. С. Соловьева,** БЕЗПЛАТНО
автора историч. роман. „Сергѣй Горбатовъ", „Вольтерьянецъ" и др.
Въ каждой книгѣ отъ 112 до 240 и болѣе стр., отпечатанная на глаз. бумагѣ.
Это собраніе сочиненій стоитъ 15 руб.
52 №№ роскошно иллюстрированнаго журнала, въ которомъ будетъ печататься новый интересный романъ гр. Е. А. Саліаса „Ловеласъ 52 №№ еженед. обозрѣнія политической и общественной жизни; 12 №№ журнала Парижскія Моды, Хозяйство и Домоводство", со множествомъ рисунковъ и полезныхъ указаній; 12 №№ выкроекъ на отдѣльныхъ большихъ листахъ.
Кромѣ всего этого, годовые подписчики получатъ БЕЗПЛАТНО большую картину **проф. Ю. Ю. КЛЕВЕРА** «ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ». Размѣръ картины, отпечатанной масляными красками, 12×18 вершковъ.
Въ отдѣльной продажѣ цѣна этой картины 5 руб.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ безъ дост. въ СПБ 6 р. съ дост. и перес. 7 р., на 6 м.—3 р. 50 к., на 3 м. 1 р. 75 к., за границу—11 р. РАЗСРОЧКА допускается по полугодіямъ и четвертямъ года. Подписки просятъ адресовать на имя редактора-издателя Ник. Ѳед. Мертца, (СПБ Невскій, 170).
Главная контора журнала „Сѣверъ" СПБ. Невскій, 170.

„РОДИНА" иллюстрир. изданіе для семьи, даетъ за ШЕСТЬ р. съ упак. и пересылкой **52** №№ журнала №№ ГАЗЕТЫ №№ „всемірное Обозрѣніе" №№ „РАЗВЛЕЧЕНІЕ". **26** книгъ раздѣл. на двѣ слѣдующія группы: **12** книгъ „Общеполезной библіот." содерж. иллюстр. **ПОЛЕЗНУЮ ИСТОРІЮ** **14** книгъ „обзаведенія романовъ": т. е. 12 книгъ романовъ изъ тому числѣ 1 иллюстр. соч. **ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА 1877—78 г.**
Сверхъ того въ книгахъ „Родины" выйдутъ: 1) **ШЕСТЬ** поэмъ ТЕННИСОНА (около 6.000 стих.) съ рисунк. Дорэ, Райда, Маклиза и др., подъ назв. **КОРОЛЕВСКІЯ ИДИЛЛИИ** и 2) иллюстр. 50 рис. Каульбаха, Пейманна и друг. поэма Іог. фонъ Гете — „ПОХОЖДЕНІЯ ЛИСА-ХИТРЕЦА", подъ **РЕЙНЕКЕ-ЛИСЪ**
Кромѣ всего этого, БЕЗПЛАТНО, гг. подп. получатъ: **96 ПРИЛОЖЕНІЙ:** 12 № чтенія для дѣтей, 12 № „Сельское Хозяйство", 12 № „Домашній театръ", 12 № МОДЕЛАГО журнала, 12 № листовъ выкроекъ, 12 № лист. рисунковъ для любительск. работъ, 12 № лист. узоровъ въ краск., 12 № нотъ.
Сверхъ всего, БЕЗПЛАТНО: худож. воспроизв. **ВОСЕМЬ КАРТИНЪ**
ОТРЫВОЧНЫЙ календарь на 12 мѣс. и КАЛЕНДАРЬ-СПРАВОЧНИКЪ на 1903 г. — Подробная программа по требованію высылается безплатно.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годъ ШЕСТЬ р. РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 2 р., 1 марта 1 р., 1 іюня 1 р., 1 августа 1 р. и 1 сентября 1 р. РЕДАКЦІЯ „РОДИНЫ": С.-Петерб., Лиговская, д. 114.

Дозволено цензурою 27 декабря 1902 года. Екатеринбургъ, „Уральская Жизнь". Редакторъ-издатель П. И. П